

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЛЕ

СИНДРОМ

Е

Расследование ведут
комиссар Шарко и Люси Энебель

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Франк Тилье

Синдром Е

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Тилье Ф.

Синдром Е / Ф. Тилье — «Азбука-Аттикус», 2010 — (Звезды
мирового детектива)

ISBN 978-5-389-13794-3

Коллекционер старых кинофильмов приобретает раритетную киноленту и во время просмотра внезапно слепнет. Он звонит своей бывшей подруге, лейтенанту полиции Люси Энебель, с просьбой о помощи, и Люси с головой погружается в расследование странного происшествия. Что спрятано за этими черно-белыми кадрами? И почему за лентой охотятся неизвестные? Поиски заходят в тупик, и Люси в свою очередь обращается за помощью – к комиссару Шарко, опытному аналитику. По мере расследования история создания киноленты обрывает невероятными подробностями. Похоже, одна и та же тайна скрыта в трущобах Каира и сиротском приюте в Монреале... Книга также выходила под названием «Монреальский синдром».

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-13794-3

© Тилье Ф., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	15
5	18
6	23
7	28
8	31
9	35
10	41
11	50
12	56
13	62
14	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Франк Тилье

Синдром Е

Franck Thilliez

LE SYNDROME E

Copyright © 2010, Fleuve Editions, Departement d'Univers Poche

© М. Сашина, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Моим близким

1

Быть там первым.

Он отправился в дорогу, едва увидев на рассвете объявление, и одолел двести километров, отделявших лильский пригород от Льежа, за рекордное время.

Продается коллекция старых (30-е годы и позже), немых и звуковых, фильмов на шестнадцати- и тридцатипятимиллиметровой пленке. Представлены все жанры, есть короткометражные и полнометражные ленты. Свыше 800 бобин, из которых 500 – шпионские фильмы. Цена по договоренности...

Объявления подобного рода на обычном, неспециализированном сайте – все-таки большая редкость. Обычно владельцы киноколлекций торгуют ими на ярмарках типа аржантейской или продают оптом на одном из интернет-аукционов, а тут... а тут ее, похоже, сбывают с рук, будто старый холодильник. Хороший знак – такое объявление!

Добравшись до самого центра бельгийского города, Людовик с трудом припарковался, сверил номер дома, перед которым поставил машину, с указанным в объявлении, и пошел знакомиться с владельцем, Люком Шпильманом. Ага. На вид лет двадцать пять, «конверсы», очки для серфинга, булловская футболка, ну да, конечно, и пирсинг. Немного, кое-где, но есть.

– Значит, вы приехали за фильмами. Пойдемте, они на чердаке.

– Я первый?

– Другие не задержатся, с утра уже было несколько звонков. Вот не думал, что все пойдет так быстро.

Людовик шел следом за молодым человеком. Типично фламандское жилье – теплые цвета, темный кирпич, все комнаты расположены вокруг лестничной клетки, в кровле над ней – широкое окно...

– А почему вы решили избавиться от этих старых фильмов?

Людовик тщательно подбирал слова: «избавиться», «старые»... По существу, он уже начал торговаться.

– Вчера умер мой отец. Он никогда и никому не говорил, что делать дальше с этими бобинами.

Хм... Еще не похоронили, а уже отбирают у усопшего патриарха его добро, думал Людовик. Хотя... хотя какой смысл этому дурачку-сыну хранить двадцать пять килограммов пленки, когда можно собрать в тысячу раз больше изображений, которые будут весить в тысячу раз меньше. Несчастное потерянное поколение...

Лестница у них до того крутая, того и гляди шею свернешь. Оказавшись на чердаке, Шпильман включил свет – жалкую маломощную лампочку. Людовик улыбнулся, его сердце коллекционера забилося быстрее. Вот они, вот они все – прекрасно защищенные от естественного света... Разноцветные коробки, уложенные на стеллажах в стопки по двадцать штук. Здесь немножко сквозит – и ах как сладко пахнет пленкой... До верхних полок можно добраться с помощью стремянки на колесиках. Людовик подошел поближе. С одной стороны фильмы на тридцатипятимиллиметровой пленке, тяжелые, объемистые коробки, с другой – шестнадцатимиллиметровые, к ним у него особый интерес. На каждой крышке – этикетка, все так аккуратно сложено... Отличное хранилище! Вот классика немного кино, вот французские ленты золотого века кинематографа, и действительно – больше всего шпионских: судя по объявлению, они составляют больше половины коллекции Шпильмана. Людовик взял в руки одну из коробок. «Самый опасный человек в мире» – фильм Джона Ли Томпсона о ЦРУ и коммунистическом Китае. Полная нетронутая копия, защищенная при хранении от света и влаги, как вина лучших

лет. Тут в коробках есть даже лакмусовые бумажки, чтобы не пропустить, если пленка вдруг начнет окисляться. Людовик с трудом сдерживал волнение. Одному только этому сокровищу, на его взгляд, цена на рынке не меньше пятисот евро.

– Ваш отец был помешан на шпионских фильмах?

– Не то слово – помешан! Вы еще не видели его библиотеку! Книги – сплошь по теории заговора и тэ дэ и тэ пэ. Сильно смахивает на навязчивую идею, да?

– А сколько вы хотите за бобину?

– Я порылся в Интернете. По-хорошему надо брать за каждую по сотне евро. Но я-то хочу сбыть все это поскорее – мне нужно место, стало быть, можем поторгаться.

– Очень надеюсь.

Людовик продолжал шарить по полкам.

– Наверное, у вашего отца был и проектор, и кинозал?

– Конечно. Скоро я все там переоборудую. Выкину старье, прикуплю самое современное: жидкокристаллический экран, домашний кинотеатр последней модели... А здесь, на чердаке, устрою музыкальную студию.

Людовику тошно было слушать – что за парень, ни малейшего уважения к прошлому! Он переместился правее, подвигал стопки, наслаждался благоуханием пленки... Тут были Гарольд Ллойд, Бастер Китон, чуть подальше – такие фильмы, как «Гамлет» и «Капитан Фракасс». Ему хотелось бы купить все, но зарплата в Фонде социального страхования и необходимость ежемесячно платить за сайт знакомств и Интернет вообще, за кабельное и спутниковое телевидение не позволяли такой роскоши. Ну и значит, надо будет выбирать.

Он подошел к стремянке, и Люк Шпильман тут же предупредил:

– Будьте осторожны! Именно с нее мой отец упал и раскроил себе голову. Вообще-то, заниматься подобной акробатикой в восемьдесят два года – это...

Людовик поколебался, но тем не менее полез наверх, думая о старике, обожавшем свои фильмы до такой степени, что умер из-за них. Поднявшись настолько высоко, насколько смог, Людовик продолжил отбор. Позади «Письма из Кремля», в невидимом поначалу ряду, он обнаружил черную коробку без этикетки. Пытаясь сохранить равновесие, достал ее, открыл. Внутри оказался короткометражный (судя по диаметру бобины) фильм – десять, максимум двадцать минут проекции. Возможно, это фильм потерянный, забытый, уникальный, а новому владельцу так и не удалось его опознать. Людовик спустился, держа в руках коробочку, положил ее на стопку из девяти уже отобранных культовых фильмов. Именно такие анонимные картины делают просмотр особенно занимательным.

Он повернулся к наследнику коллекции, изо всех сил стараясь казаться спокойным, хотя сердце забилось сильнее:

– К сожалению, большая часть ваших фильмов ничего особенного собой не представляет. Все как везде, стандартный набор. А кроме того... вы чувствуете, чем пахнет?

– А чем пахнет?

– Укусный такой запах – ощущаете? Пленка уже затронута кислотой, короче, ей грозит гибель. Причем скоро.

Молодой человек шагнул вперед и втянул носом воздух.

– Вы уверены?

– Более чем уверен. И готов избавить вас хотя бы от этих десяти коробок. Тридцать пять евро за штуку, идет?

– Полсотни.

– Сорок.

– Ладно, согласен...

Людовик подписал чек на четыреста евро, протянул Шпильману. Отъезжая, он увидел машину с французскими номерами, водитель которой искал место для парковки.

Тоже, наверное, покупатель. Слетаются вброды.

Людовик вышел из своей личной проекционной и, не забыв захватить из холодильника бутылку пива, выбрал одно из обитых искусственной кожей двенадцати кресел в стиле пятидесятых. Он купил эти кресла, когда закрыли маленький кинотеатр «Рекс», который находился в двух шагах от его дома, оборудовал на вид такой же, как там, кинозал в подвале дома и окрестил этот кинозал «мое карманное кино». Откидные сиденья, невысокие подмостки, экран из специальной ткани со стеклянными микросферами, проектор Tri-Film Heurtier, рассчитанный на узкую пленку, – здесь было все. Да, в сорок два года у него было все, чего хотелось, кроме подруги, которую он обнимал бы во время просмотра «Унесенных ветром». Подруги не было, и пока что поиски ее на этих чертовых сайтах знакомств приводили только к неудачам или в лучшем случае к мимолетным интрижкам.

Было почти три часа ночи. Перекормленный шпионскими и военными кадрами, он завершил свой нескончаемый сеанс неведомо каким чудом сохранившейся безвестной короткометражкой. На вид это явно была копия, но такие вот безымянные фильмы иногда оказывались истинными сокровищами, а если повезет, то и утерянными шедеврами знаменитых кинематографистов: Мельеса, Уэллса, Чаплина. Людовик – как истинный коллекционер – очень любил помечтать. Когда он высвободил ракорд бобины, чтобы засунуть его в проектор, оказалось, что на ленте написано: «50 кадров в секунду». Такое редко увидишь, обычная-то скорость – 24 кадра в секунду, этого вполне достаточно, чтобы создать на экране иллюзию движения. Он пожал плечами и переключил скорость воспроизведения проектора, чтобы увидеть все так, как было задумано автором. Не хватало еще смотреть фильм замедленно...

Очень скоро белизна экрана уступила место темному мутному изображению. Никакого названия, никаких титров. Только внезапно появившийся в правом верхнем углу экрана на том же мутно-темном фоне белый кружок. Людовик сначала даже подумал, что это дефект пленки, так нередко бывало со старыми бобинами.

И тут начался фильм.

Пытаясь подняться из подвала на первый этаж, Людовик свалился мешком.

Он больше ничего не видел, даже с включенным светом.

Он ослеп.

2

Резкий телефонный звонок – и сон Люси Энебель как рукой сняло. Она встрепенулась в кресле, схватила мобильник:

– Аллю...

«Алло» прозвучало тускло. Люси глянула на часы – всего-то полпятого утра, даже четыре двадцать восемь. Посмотрела на Жюльетту с воткнутой в правую руку иглой – дочери круглосуточно капали раствор глюкозы: вроде бы девочка сладко спит.

А голос с той стороны дрожал:

– Аллю-аллю, кто это?

Люси откинула назад длинные светлые волосы, она еле сдерживалась: только-только удалось заснуть, ей-богу, странное время для розыгрышей.

– Вообще-то, представиться следовало скорее вам! Вы знаете, который час?

– Людовик... это Людовик Сенешаль... А это... это Люси?

Она тихонько вышла из комнаты в больничный коридор, освещенный лампами дневного света, зевнула, одернула пижамную рубашку – надо же выглядеть поприличнее. Вдали слышался плач новорожденных, казалось, плач этот стелется вдоль стен. Тишина в педиатрическом отделении – не более чем химера.

На то, чтобы разобраться, кто это звонит посреди ночи, понадобилось несколько секунд. Людовик Сенешаль?.. А-а, они пересеклись на сайте знакомств, после нескольких недель беспрерывных разговоров в чате встретились в одном из лилльских кафе и в конце концов расстались из-за того, что «не сошлись характерами». Их хватило тогда всего на семь месяцев.

– Людовик? Ты? Что случилось?

Люси слышала звон стекла – как будто стакан, упав на пол, разбился.

– Необходимо, чтобы кто-то ко мне приехал. Надо, чтобы...

Он задышался, еле выговаривал слова, – похоже, его охватила паника. Люси постаралась успокоить собеседника, предложила говорить тише: может, так будет легче.

– Не знаю, что случилось, Люси! Я был в своем «карманном кинотеатре», смотрел фильм и... Послушай, послушай, я больше ничего не вижу. Я включил полный свет, но это не помогло. Думаю, это... думаю, я ослеп. И номер набрал случайный, даже не набирал – просто ткнул куда попало...

Ну да, конечно, это вполне в духе Людовика Сенешаля – смотреть кино в четыре утра! Потирая ноющую поясницу, Люси принялась ходить туда-сюда вдоль широкого окна во двор, где располагалась группа клиник Лилльского университетского медицинского центра. Господи, как спину-то ломит – наверняка из-за этого чертова кресла с его дурацкой спинкой! Впрочем, и тело в тридцать семь лет куда как менее выносливо, чем раньше.

– Сейчас пришлю тебе «скорую».

Наверное, Людовик ударился головой. Травма черепа или рваная рана способны спровоцировать такую симптоматику, и осложнение может стать фатальным.

– Пощупай голову и оближи пальцы – убедись, что нигде не кровит. Ну, что нет крови ни на голове, ни на висках, что из носу кровь не течет. Если кровь есть, приложи лед, замотай полотенцем. «Скорая» привезет тебя в одну из здешних клиник, и я смогу тебя навестить. Только не вздумай ложиться, оставайся на ногах. Адрес у тебя тот же?

– Да. Пожалуйста, скорее! Пожалуйста!

Она отключилась и рванула в приемный покой отделения скорой помощи, где попросила отправить к Людовику машину. В эти июльские отпускные дни события разворачивались слишком уж круто. Ее восьмилетняя дочка только что подцепила вирусный гастроэнтерит. Такого почти никогда не случается в разгар лета, просто жуткая невезуха... И эта болезнь –

прямо как торнадо! Налетела на девочку – и вот тебе всего-то за двадцать часов полное обезвоживание! А Жюльетта при этом не может есть, не может пить – даже воды глотнуть не может. Врачи говорят, что бедняжке придется долго лежать в больнице, нужен покой, тщательный уход и искусственное питание. Ну и малышка не смогла поехать с сестрой Кларой в свой первый летний лагерь, а близнецы так тяжело переносят разлуку...

Люси облокотилась на подоконник. Глядя на вращающийся на крыше машины «скорой помощи» проблесковый маячок, она думала, что хоть в центральном комиссариате, хоть вне его, хоть во время отпуска, хоть в рабочее время жизнь всегда найдет способ одарить ее полной мерой дерьма.

3

Несколькими часами позже в двухстах километрах от Лилля глава Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности Мартен Леклерк вглядывался в трехмерное изображение человеческого лица на экране «мака». Он ясно видел мозг и еще несколько приметных зон: кончик носа, наружную поверхность правого глаза, козелок левой ушной раковины... Указывая на зеленое пятно, расположенное в верхней извилине левой височной доли мозга, Леклерк спросил:

– Стало быть – что? Оно появляется каждый раз, как я с тобой заговариваю?

Одетый в шапочку со ста двадцатью восемью электродами комиссар Франк Шарко, полулежа в гидравлическом кресле, глядел в потолок и не шевелился.

– Это центр Вернике, его задача – восприятие услышанного. Что у тебя, что у меня: стоит прозвучать чьему-то голосу – туда приливает кровь. Оттого там и появляется цветное пятно.

– Впечатляет...

– Не больше, чем твое присутствие здесь, рядом со мной. Может, ты и не помнишь, Мартен, но я приглашал тебя к себе выпить по стаканчику. Именно к себе. Потому что здесь, кроме их гнусного пойла, называемого «кофе», никому ничего не светит.

– Слушай, твой психиатр ничего не имел против того, чтобы я присутствовал на сеансе, да ты и сам мне это предложил. У тебя что, провалы в памяти?

Шарко опустил на металлические подлокотники кресла большие ладони, и обручальное кольцо звякнуло. Сколько уже недель продолжаются эти сеансы ремонта его мозгов, а ему так и не удается расслабиться.

– Ну а чего ты хочешь-то? Зачем пришел?

Глава Центрального управления выглядел усталым, потирал пальцами виски. За двадцать лет, которые эти двое проработали в аппарате министерства внутренних дел, черных дней было немало, и они не раз видели друг друга в более чем паршивом состоянии. Когда случались особенно ужасные преступления, когда происходило что-то нехорошее в семье и когда возникали проблемы со здоровьем.

– Дело было два дня назад. В какой-то дыре между Гавром и Руаном. Нотр-Дам-де-Граваншон, ничего себе названьице, верно?.. Да ты наверняка слышал в теленовостях о трупах, вырытых на берегу Сены...

– Что-то такое, связанное со стройкой, с прокладкой трубопровода?

– Ну да. Представляешь себе, сколько радости для журналюг? Они уже были там из-за стройки, понаделавшей шума, и вдруг – такой подарок... В общем, в этой самой дыре обнаружено пять трупов с распиленными черепами. Руанская полиция в содружестве с местной жандармерией занялась этим делом, тамошний прокурор собрался было отправить туда ребят из аналитической группы¹, но не вышло: дело в конце концов передали нам. Честно говоря, меня, в отличие от журналюг, все это совершенно не радует: лето только началось – и на тебе, такая мерзость.

– А Девуаз что?

– Увяз в одном деликатном деле, требующем особого внимания, не могу его отрывать. А Бертоле в отпуске.

– Можно подумать, я не в отпуске!

¹ Имеется в виду аналитическая группа Института криминалистических исследований при национальной жандармерии в Рони-су-Буа. – *Примеч. автора.*

Леклерк поправил узкий галстук в полоску. За плечами полвека, на плечах костюм из синтетики, обут в начищенные башмаки, лицо осунувшееся, с резкими чертами – сразу видно: большая шишка из уголовной полиции во всем своем великолепии...

Лоб начальника Центрального управления покрылся испариной, и он вытер платком капельки пота.

– Ты единственный, кто сейчас на месте. И потом, они там с женами, с детьми... Черт, ну ты же сам знаешь, как это бывает...

Они замолчали, и тишина повисла какая-то свинцовая. Жена, дети... Мячики на пляже, смех, теряющийся в волнах... Все это теперь так далеко, так туманно... Шарко повернул голову к монитору, на котором демонстрировалась активность его мозга в реальном времени, его мозга – старого, пятидесятилетнего органа, переполненного мраком. Двинул подбородком, призывая Леклерка следовать в направлении его взгляда. Несмотря на то что слов не прозвучало, слева, наверху височной доли, высветилась зеленая зона.

– Знаешь, почему светится? Потому что сейчас, вот прямо сейчас, она говорит со мной...

– Эжени?

Шарко кивнул. Леклерк почувствовал, как по телу пробежала дрожь. Увидишь, как мозг твоего комиссара реагирует на слова, когда мимо даже муха не пролетала, – невольно покажется, что в комнате, где-то совсем рядом с тобой, призрак.

– Ну и что же она тебе говорит?

– Она велела, чтобы в следующий раз, когда пойду за продуктами, купил соус-коктейль и засахаренные каштаны. Она обожает эти дурацкие засахаренные каштаны. Прости, еще пара секунд...

Шарко закрыл глаза, сжал губы. Он везде, всегда видит Эжени и слышит ее. На сиденье своего старенького «Рено-21». Ночью, когда ложится спать. Сидящую по-турецки и наблюдающую, как маленькие вагончики ездят по рельсам. Два года назад Эжени часто показывалась в компании негра по имени Вилли, не выпускавшего изо рта «Кэмел» или сигарету с марихуаной. Зараза куда хуже девочки, этот негр был совершенно уже невыносимым, потому что орал как резаный и все время размахивал руками. Лечение помогло, но частично: антилец пропал, зато девчонка так и приходит постоянно, неистребимая, как вирус.

Зеленая зона на экране «мака» продолжала светиться еще несколько секунд, потом начала постепенно гаснуть. Шарко снова открыл глаза и посмотрел на шефа с усталой улыбкой:

– А ведь ты, старина, наслушавшись, какую чушь несет твой комиссар, в конце концов пошлешь его куда подальше...

– С чего бы? Это тебе ничуть не мешает, ты вполне справляешься с работой и распутываешь любые дела. Я бы даже сказал, что иногда у тебя получается лучше прежнего.

– Скажи это лучше Жослену, угу? А то наш общий шеф совсем уже меня затраhal. Такое ощущение, будто он только и мечтает, чтобы я подох.

– Ну, с начальниками всегда так: новая метла чисто метет, главное – навести порядок, остальное не считается.

Явился наконец профессор Бертовски из психиатрической службы Сальпетриер, а с ним – его нейроанатом.

– Ну что, месье Шарко, начнем?

Месье Шарко... С тех пор как он узнал, что слово «Шарко» – часть названия болезни, при которой последовательно отмирают все мышцы, собственная фамилия стала казаться ему странной. Да-да, так ведь и называется «болезнь Шарко». Как будто все болезни в мире случаются по его вине.

– Начнем...

Бертовски порылся в папке с историей болезни – он не расставался с этой папкой.

– Судя по тому, что я здесь вижу, характерные для паранойи эпизоды с бредом преследования стали очень редкими. Сохранились, правда, следы подозрительности, но в целом результат превосходный, превосходный... А как у нас с видениями?

– Бывают, и помногу. Не знаю, может быть, потому, что я сижу взаперти в своей квартире, но ни дня не проходит без визита Эжени. Большей частью девчонка задерживается у меня всего на две-три минуты, тем не менее вынести ее просто невозможно! И одному Богу известно, сколько килограммов засахаренных каштанов она заставила меня купить с прошлого раза.

С Шарко стали снимать шапочку с электродами, и Леклерк предпочел отступить вглубь комнаты.

– Что – много стрессов в последнее время? – спросил врач.

– Да нет, в основном – жара.

– Ваша профессия не способствует лечению. Нам стоило бы сократить промежутки между сеансами. Думаю, каждые три недели – это будет отличное компромиссное решение.

Закрепив голову Шарко двумя белыми лентами, нейроанатом подвел к его макушке инструмент в форме восьмерки: с помощью этого инструмента магнитные волны направлялись в определенный участок головного мозга. Прицел был на нейроны, которые сами, словно микромагниты, реагировали на приближение «восьмерки» и выстраивались в другом порядке. Транскраниальная магнитотерапия позволяла если не искоренить совсем галлюцинации, вызываемые шизофренией, то хотя бы резко снизить частоту их появления, но главная трудность для врача состояла здесь в том, чтобы найти правильное место. Зона, куда следовало направлять магнитную волну, занимает на черепе всего несколько квадратных сантиметров, а ошибка в один-единственный миллиметр способна привести к тому, что пациент *ad vitam aeternam*² будет мяукать или воспроизводить алфавит наоборот, от конца к началу.

Шарко полулежал с повязкой на глазах, все, что от него сейчас требовалось, – не шевелиться. Теперь единственным, что слышалось в комнате, было потрескивание, с каким исходили из генератора короткие импульсы магнитного поля с частотой в один герц. Шарко не ощущал ни малейшей боли, эта магнитотерапия даже не казалась ему неприятной, только при мысли о том, что десять лет назад для лечения того же назначались сеансы электрошока, делалось страшно.

Все прошло без проблем. Еще тысяча двести импульсов – что-то около двадцати минут, – и полицейский встал. Тело малость затекло, но это ничего, это скоро пройдет. Он поправил безупречную сорочку, провел рукой по стриженным ежиком темным волосам. Надо же так вспотеть... Впрочем, при такой жаре и с избытком веса, неизбежным, если принимаешь зипрексу³, неудивительно. Сейчас, в начале июля, когда температура снаружи зашкаливает, даже кондиционеры работают с трудом.

Он записал дату следующего сеанса, поблагодарил психиатра и вышел из кабинета.

Леклерка он обнаружил в конце коридора у кофейного автомата. Несколько минут наблюдения за процедурой оказались для начальника управления по борьбе с преступлениями против личности тяжелым испытанием, ему захотелось курить.

– Сногшибательно в буквальном смысле – видеть, что они вытворяют с твоей черепушкой!

– Обычное дело. Для меня это все равно... все равно что сидеть под сушкой в парикмахерской.

Шарко улыбнулся и поднес к губам пластиковый стаканчик.

– Ну давай, выкладывай. Расскажи о деле подробнее.

Они медленно двинулись к выходу.

² Здесь: до скончания века (лат.).

³ Зипрекса – антипсихотический препарат.

– Пять жуткого вида трупов, зарыты на двухметровой глубине. По первому впечатлению четверых уже хорошенько обглодали черви, но пятый в относительно приличном состоянии. У всех отсутствует верхушка черепа – как будто отпилили.

– И что они сами там думают насчет всего этого?

– А ты как считаешь? Провинциальный городок, в котором, должно быть, самое серьезное правонарушение – не рассортировать как положено мусор. Тела были захоронены несколько недель, если не месяцев назад, никто ничего не видел и не слышал, расследование обещает быть сложным, и, думаю, в команде не помешает психолог, аналитик поведения. Ты будешь делать все как обычно, не больше и не меньше. Соберешь информацию, встретишься с нужными людьми, со всем остальным управимся из Нантерра. Всех делов дня на два, на три. После чего ты сможешь заняться своими вагончиками или чем угодно, а я... я сделаю то же самое. Не хочу растягивать это надолго, мне в ближайшее время нужно сматываться.

– Вы с Катей собираетесь в отпуск?

Леклерк поджал губы:

– Пока не знаю. Это зависит от...

– От чего?

– От многих обстоятельств, которые касаются меня одного.

Шарко промолчал. Когда друзья вышли за двери клиники, их обдало волной горячего воздуха. Комиссар, сунув руки в карманы льняных брюк, обернулся и посмотрел на длинное здание из белого камня, на купол, сверкающий под безжалостным солнцем. Здание, которое в последние годы стало для него вторым, после рабочего кабинета, родным домом.

– Знаешь, я побаиваюсь возвращаться к работе. Так уже все это далеко...

– Ничего-ничего, ты быстро восстановишься.

Шарко помолчал еще немножко, казалось взвешивая все за и против, и пожал плечами:

– Ладно, хрен с ним! Я настолько прилип к креслу задницей, что она уже сама принимает форму кресла. Скажи им, что буду на месте ближе к вечеру.

4

Когда врач из «скорой», который занимался в клинике Салангро Людовиком Сенешалем, подошел к Люси, она как раз допивала кофе. Эскулап был высоким брюнетом, с тонкими чертами лица и великолепными зубами, в других обстоятельствах она бы наверняка на него запала – ее тип мужчины. На кармашке чересчур свободного для этого стройного красавца халата Люси прочитала: «Доктор Л. Турнель».

– Так что с ним, доктор?

– Никаких ранений, ничего похожего на кровоподтек, стало быть – ничего указывающего на травму. Офтальмологическое исследование не обнаружило ни малейшей патологии. Глазное дно в порядке, глазные яблоки подвижны, фотомоторные рефлексы нормальные, зрачок сокращается как положено. Но при этом Людовик Сенешаль ничего не видит.

– Тогда что же это за странная болезнь?

– Мы проведем более полное обследование, особенно надеемся на МРТ – вдруг покажет опухоль мозга.

– Разве от опухоли слепнут?

– Если она распространяется на зрительную хиазму, то слепнут.

Люси с трудом сглотнула. Людовик стал для нее всего-навсего далеким воспоминанием, но все-таки она разделила с ним семь месяцев жизни.

– А это можно вылечить?

– Зависит от величины опухоли, от ее расположения, от того, злокачественная она или доброкачественная. Я предпочел бы не ставить диагноз до сканирования. Если хотите, можете навестить вашего друга, он в палате двести восемь. – Прежде чем быстрым шагом удалиться, доктор пожал ей руку. Рукопожатие оказалось крепким.

Люси не хватило мужества одолевать ступени лестницы, и она решила подождать лифт. Две бессонные ночи в педиатрии, две ночи с плачем и рвотой, совершенно ее опустошили – не осталось ни капли энергии. К счастью, днем приходила мать и отпускала ее, чтобы она могла хоть немножко поспать.

Она тихонько постучала в дверь и зашла в палату. Людовик лежал на кровати, уставившись в потолок. Люси почувствовала комок в горле: Сенешаль совсем не изменился... Конечно, еще маленько облысел, но лицо такое же круглое и мягкое, какое ей приглянулось, когда она впервые его увидела на сайте знакомств. Лицо сложившегося человека.

– Людовик, это я, Люси...

Он, услышав голос, повернул голову, но взгляд его оказался направлен не на нее – на стену напротив. Люси поежилась, растерла плечи. Людовик попытался улыбнуться:

– Можешь подойти ближе. Я не заразный.

Люси сделала несколько шагов и взяла его за руку:

– Все будет хорошо.

– Как странно, что набрался именно твой номер, а? Ведь мог бы получиться любой другой...

– И еще более странно, что я оказалась именно там, где нужно. Больница для меня сейчас – просто дом родной.

Она рассказала Людовику о болезни Жюльетты. В те семь месяцев Сенешаль виделся с близняшками, и девочки сильно к нему привязались. Люси чувствовала, что нервничает все больше и больше, никак не выходила из головы мысль об этом ужасе, об опухоли, которая, возможно, зреет в голове ее бывшего.

– Они найдут, они разберутся, что с тобой такое.

– Они говорили тебе об опухоли, верно?

– Это просто гипотеза.

– Нет там никакой опухоли, Люси! Все дело в фильме.

– В каком фильме?

– Ну в том... с маленьким белым кружочком. В том, который я вчера нашел у одного коллекционера. Он был...

Люси заметила, что Людовик вцепился в простыню.

– Он был очень странный, этот фильм.

– Что значит «странный»?

– Странный – и все! До того странный, что я из-за него ослеп, черт побери, тебе мало?

Теперь он кричал. И дрожал. И, нащупав руку Люси, крепко за нее ухватился.

– Я уверен, что прежний владелец пришел на чердак именно за этим фильмом. И раскроил себе череп, свалившись со стремянки. Что-то должно было произойти, чтобы старику позарез понадобилось лезть черт знает куда ради какой-то короткометражки.

Люси чувствовала, что он на грани, а ей всегда было невыносимо видеть близких, друзей в отчаянии.

– Пожалуй, посмотрю-ка я сама эту короткометражку.

Он покачал головой:

– Нет-нет, я не хочу, чтоб и ты...

– Чтобы я тоже ослепла? Что за ерунда! Как можно ослепнуть оттого, что увидишь изображение на экране, объясни!

В ответ – молчание.

– Бобина осталась в проекторе?

Еще немного помолчав, Людовик уступил:

– Да. Нужно будет только проделать кое-какие операции, но я тебе их показывал. Помнишь?

– Да... Кажется, это было, когда мы смотрели «Прикосновение зла»...

– «Прикосновение зла»... Орсон Уэллс...

Людовик горестно вздохнул и вроде как забылся. По щекам покатались слезы. Потом он ткнул пальцем в пустоту:

– На тумбочке должен быть мой бумажник, а в нем – визитные карточки. Найди визитку Клода Пуанье. Он реставрирует старые фильмы, и я хочу, чтобы ты отнесла ему бобину. Пусть посмотрит, ладно? И хорошо бы узнать, откуда могла взяться эта короткометражка. Да, возьми там, в бумажнике, еще вырезку из газеты, объявление – в нем есть адрес и номер телефона сына коллекционера. Парня зовут Люк Шпильман.

– Ну и что ты хочешь, чтобы я сделала с этой вырезкой?

– Просто оставила у себя. Забери все. Ты хочешь мне помочь, Люси? Вот и помоги.

Теперь замолчала и вздохнула Люси. Потом взяла с тумбочки бумажник Людовика, достала из него визитную карточку и объявление.

– Сделано.

Казалось, он успокоился. Сел, спустив ноги с кровати.

– А ты-то сама как живешь, Люси?

– Как всегда. Ничего нового. Убийств и нападений меньше не становится, и безработица полицейским не грозит...

– Мне хотелось поговорить о тебе, а не о твоей работе.

– Обо мне? Ну-у...

– Ладно. Потом поговорим.

Сенешаль протянул Люси ключи от дома и сильно сжал ее запястье. Люси вздрогнула, когда Людовик поглядел ей прямо в глаза, приблизив лицо так, что между ними осталось едва ли больше десяти сантиметров.

– Берегись этого фильма!

5

В Нотр-Дам-де-Граваншон – середина дня... Этот хорошенький городок затерялся на просторах департамента Сен-Маритим, здесь симпатичные лавочки, здесь спокойно, много зелени, поля – сколько видит глаз... если, конечно, посмотреть с нужной стороны. Потому как меньше чем в километре к юго-западу берег Сены загроможден чем-то вроде огромного стального корабля, испускающего такую вонь и такой серый дым, что даже небо над ним обесцветилось.

Шарко пошел в направлении, указанном лейтенантом полиции, – самого лейтенанта он надеялся встретить там, на месте. Пусть даже трупы накануне унесли (полицейским потребовались целые сутки, чтобы вытащить их из-под земли, не оставив собственных следов на месте преступления, в таких случаях работаешь прямо как археолог), комиссару хотелось восстановить, как все шло с самого начала. С отправной точки. Он был на грани нервного срыва, три часа пути под солнцем его измучили, тем более что уже несколько лет он почти не садился за руль. Ездил на скоростном метро: когда по линии А – Шатле – Нантерр, когда по линии В – Бур-ла-Рен – Шатле – Лез-Аль.

Но вот наконец указатель. Шарко свернул, закупорил окна, включил кондиционер на полную мощность – и двинул через промышленную зону Пор-Жером. Однако, несмотря на все предосторожности, чувствовалось, что воздух какой-то липкий, что пахнет металлическими опилками и кислотой. Здесь, надежно спрятавшись среди красот природы, крупнейшие промышленные компании мира создали и поделили между собой империю горючего и технических масел. Нефтехимический концерн «Тоталь», американская корпорация «Эксон Мобил», французская компания «Эр Ликид» – она производит технические газы... Комиссар проехал по скопищу труб добрых два километра, пока наконец не вырвался на более спокойный участок дороги, еще не освоенный индустриальными монстрами.

Пейзаж тут был бы вполне ничего, если бы не замершие бульдозеры. Шарко припарковался чуть в стороне от стройплощадки, вышел из машины, поправил воротничок сорочки. К черту пиджак!.. Бросил его на сиденье рядом со спортивной сумкой, где было все, что могло понадобиться в гостинице, размял ноги, отметив хруст в коленке, когда сгибал и разгибал ее.

– Господи боже мой...

Надев солнцезащитные очки, у которых одна из дужек была кое-как склеена, комиссар осмотрелся. Справа – Сена, слева – деревья, позади – промышленная зона. Впечатление полной заброшенности. Ни единого дома, только пустые дороги и невозделанная земля. Как будто тут все вымерло, все выжжено небесным огнем.

Перед ним – чуть ниже – чесали языки два или три человека в касках. У их ног земля разверзлась, огромная рыжевато-коричневая, поделившая ее надвое рана протянулась на километры вдоль реки, и сходились края этой раны только там, где вяло трепыхались на ветру черно-желтые ленты, какими полицейские огораживают место преступления от зевак. Пахло разогретой глиной и сыростью.

Комиссар сразу заметил ожидавшего его руанского коллегу – а как не заметить, если кобура на поясе просто-таки бросается в глаза? Парень был одет в джинсы на бедрах, черную футболку с коротким рукавом, на ногах – старые полотняные туфли. Высокий, сухощавый, черноволосый, хорошо, если ему двадцать пять или двадцать шесть стукнуло, он разговаривал с кинооператором и еще каким-то существом, напоминавшим журналистку. Шарко поднял очки, примяв ими ежик на голове, достал служебное удостоверение и протянул лейтенанту полиции:

– Вы и есть Люка Пуарье?

– А вы – аналитик из Парижа, профайлер? Приятно познакомиться.

Входить в подробности и объяснять, что его работа, в общем, имеет мало общего с занятиями профайлеров? На это могут уйти часы.

– Зовите меня Шарко. Или Шарк. Без званий.

– Сожалею, комиссар, но вот этого не могу.

Подошла журналистка:

– Комиссар Шарко, нас предупредили о вашем прибытии и...

– Рискую показаться невежливым, но предложу вам и вашему спутнику с камерой отправиться куда подальше...

Парижанин посмотрел на девушку таким мрачным взглядом, каким только умел. Он не выносил журналюг. Девица чуть отступила, но все-таки попросила оператора хоть немножко поснимать. Возможно, им и удастся слепить какой-нибудь сюжетец, подкрепив текст видами разлома. Плюс к этому станут твердить как попугаи, что к делу подключен командированный из Парижа профайлер, – чем не сенсация.

Шарко отодвинул телевизионщиков взглядом и обратился к Пуарье:

– Не знаете, номер в гостинице забронирован? Кто у вас этим занимается?

– Ну-у... Не знаю. Наверное...

– Мне хотелось бы большой. И с ванной.

Пуарье кивнул, соглашаясь; так всегда было с людьми, у которых Шарко что-то просил, – комиссар неизменно внушал уважение.

– Ладно... Не будем терять времени. Объясните, что здесь и как, – снова оглядев окрестности, сказал он лейтенанту.

Молодой человек засосал добрую половину бутылочки воды, которую держал в руке, потом широким жестом обвел владения компании модульных конструкций «Алжеко», находившиеся чуть в стороне.

– Траншеи начали рыть в прошедшем месяце. Здесь прокладывают трубопровод, который позволит переправлять все виды химической продукции с заводов Гонфревиля к очистительным сооружениям. Туда, ниже по течению. Не меньше тридцати километров зарытых в землю труб. Ну и вот, им оставалось раскопать всего пятьсот или шестьсот метров, но, когда они обнаружили то, что обнаружили, работы были приостановлены. Видели бы вы, как они разозлились, – словами не описать!..

Немного подальше мужчина в костюме и галстук – вероятно, начальник строительства трубопровода – ходил туда-сюда, прижимая к уху мобильный. Такого рода открытие, какое выпало на его долю, – последнее, чего можно было ожидать. И даже если этот несчастный ничего не может поделывать, отчитаться перед финансистами ему придется непременно.

Шарко вытер платком лоб. Когда он поднял руку, стал виден темный круг под мышками. Пуарье двинулся вперед.

– Рабочие нашли их вон там. Пять трупов, зарытых на глубину два метра. Бульдозерист не успел особенно повредить останки: едва увидев, что показалась мертвая рука, он остановил машину.

Комиссар пролез под черно-желтые ленты и подошел к краю глубокой траншеи. Отвернувшись, сморщив нос. Сопровождавший его Пуарье вообще все лицо прикрыл футболкой.

– Ага, малость еще пованивает. Они там варились в собственном соку, и жара-то ведь тоже поспособствовала... Не сомневайтесь: судмедэксперт и ученые ребята-криминалисты развлекаются теперь всюю.

Комиссар сделал глубокий вдох и наклонился над траншеей, рассматривая дно.

– Кто они, эти люди? Мужчины, женщины, дети? С возрастом хоть что-то уже понятно?

– Они мужчины, антрополог – я сведу вас с ним – подтвердит. Состояние четырех жертв плачевное, тела практически распались на части: влажность почвы и близость Сены ускорили

разложение, теперь это почти что скелеты. Я говорю «почти», потому что на костях остались ошметки сгнившей плоти, выделения, в общем, короче, вы...

– Погодите, а пятый труп?

Пуарье снова нервно схватился за бутылку с водой. Под футболкой он был весь мокрый, по лбу катились капли пота, кожа исторгала из себя воду и соль.

– Тоже мужской, относительно сохранный. Ну... если можно так сказать. Тела над и под ним создали что-то вроде изолирующей прокладки...

– Был под трупами или рядом брезент или какая-либо другая упаковка?

– Нет. И одежды на них тоже не было. Совершенно голые. Что касается того парня, который лучше других сохранился, ему... у него часть тела ободрана. Руки, грудь. Я видел это своими глазами, ужас что такое... Как очищенный апельсин. Вы даже представить себе не можете...

Представить себе он мог.

Комиссар вздохнул. Вроде бы запахло висяком. Досье со всеми этими пикантными подробностями пополнит уже имеющуюся в Нантерре кучу, и ничего-то ему, этому досье, не светит, кроме того, что время от времени его без всякой пользы прокрутят в очередном компьютере.

Шарко протянул лейтенанту руку:

– Помогите мне спуститься.

Полицейский повиновался. Парижанину показалось, что этот мальчик за время своей недолгой карьеры успел уже навидаться слишком многого. Небось увяз уже, бедняга, и неведимым теперь вряд ли выберется. Все мы движемся одним путем, по одним рельсам – тем, что ведут в пропасть и не дают подняться. Потому что эта чертова профессия тебя пожирает, переваривает с потрохами.

Оказавшись на дне траншеи, комиссар выпустил руку Пуарье. Отряхнул тыльной стороной кисти с рубашки землю. Тут воняло, как в морге, солнце скрылось, и зловреднее здешней жары и духоты было не придумать. Шарко присел на корточки, пощупал землю. Ее уже просеяли, чтобы не пропустить ни малейшей улики – ни косточки, ни хрящика, ни куколки насекомого. Да, местные криминалисты хорошо поработали. Он выпрямился, осмотрел коричневые стены. Два метра глубины, это сколько ж надо было рыть, чтобы засунуть сюда трупы... Старательный, однако, убийца.

– Шеф говорил мне, что черепа наполовину отрезаны.

Пуарье наклонился к нему. Капля пота скатилась с его лба и упала в траншею.

– Действительно отрезаны, и пресса тут же налетела – а как же, сенсация ведь для таблоидов. Все теперь только и говорят о серийном убийце, о маньяке. Верхние части черепов не найдены. Их нет. Исчезли бесследно.

– А мозг?

– Внутри черепов пусто. То есть нет, конечно, там земля. Но кажется ведь, мозг и глаза первыми разрушаются и полностью исчезают после смерти... В общем, судмедэксперт продолжает исследовать эти черепа, так что пока ничего не известно.

Лейтенант высунул язык и вылил на него последние оставшиеся в бутылке капли воды.

– Чертова жарница!

Раздавил в кулаке бутылку. Похоже, нервы его были на пределе.

– Послушайте, комиссар, а что, если нам наконец уйти отсюда? Я вон уже сколько часов тут парюсь, давно пора свежего воздуха глотнуть. Мы можем поговорить по дороге, мне же все равно ехать с вами.

Шарко огляделся в последний раз. На сегодняшний день тут ничего больше не увидеть, и никаких открытий не ожидалось. Наверное, фотографии места преступления, крупные планы или аэрофотосъемка окрестностей, если таковая имеется, скажут ему гораздо больше.

– Какие-то особенности у тел обнаружились? Зубы, часом, не вырваны?

Молчание. Обалдевший от пронизательности парижанина юнец кивнул:

– Вы правы. Ни единого зуба. И кисти рук отрублены. А как вы...

– У всех пятерых?

– Думаю, да... Я... Простите...

Лейтенант исчез из поля зрения Шарко. Тяжелый, конечно, выдался день у мальчика, да... Комиссар медленно пошел по дну траншеи. Там, вдали, видны эти два болвана с телевидения – вон они, явно снимают их трансфокатором. Точно, а теперь бочком-бочком к нанятой ради такого дела машине. Ну и привет!

Слава богу, он остался совсем один. Теперь можно, уставившись в пустоту, думать, думать, думать. Представлять себе их, пятерых, штабель из покойников... У одного содрана кожа – не везде, кое-где – почему? Зачем с ним обошлись иначе, чем с другими? А кожу содрали – до или после смерти? Вопросы, неизбежно возникающие, когда начинаешь разбираться в том, как все произошло, роились у него в голове. Были ли жертвы знакомы между собой? Встречались ли они раньше со своим палачом? Все ли умерли в одно время? При каких обстоятельствах?

Шарко почувствовал дрожь, которая всегда охватывала его в начале расследования, – в это время возбуждаешься сильнее, чем когда-либо, и чувствуешь все куда более остро. Здесь разило смертью, бульдозерным горячим, сыростью, но он поймал себя на том, что ему все еще нравятся эти тошнотворные запахи, – надо же! В былые времена тьма и такой вот адреналин действовали на него буквально как наркотик. И не сосчитать было случаев, когда он возвращался чуть не к утру и видел, что Сюзанна уснула, свернувшись на диване калачиком, вся в слезах...

Франк ненавидел это свое прошлое, но ровно с такой же силой тосковал о нем.

Чуть подальше он заметил лестницу, прислоненную к стене траншеи, и смог легко по ней подняться. Метрах в тридцати от стройплощадки проходила асфальтированная дорога. Наверняка убийцы воспользовались ею, чтобы доставить сюда тела. Руанская полиция, должно быть, уже начала опрашивать всех тут поблизости – персонал завода или кого-то еще в этом роде, так, на всякий случай... Хм, судя по виду местности, коллеги, скорее всего, останутся ни с чем.

Подальше, на берегу Сены, сидел, прижав мобильник к уху, Люка Пуарье. Небось жене звонит – предупреждает, что может поздно вернуться. Скоро он ей даже и звонить насчет такого не будет: поздние возвращения и долгие отсутствия станут частью его ремесла. А еще позже, годы спустя, он поймет, подводя итоги, что при этой работе нужно сразу учиться жить одному со своими демонами, выпивать за жалкой оцинкованной стойкой и срывать на ком-нибудь зло, когда уже не вмоготу. Шарко вздохнул и показал руанцу знаком, что собирается ехать. Тот закончил разговор и подбежал к комиссару.

– А скажете – насчет зубов-то? Как вы догадались?

– Увидел. Вы что, забыли? Сами же сказали: я – профайлер!

– Смеетесь надо мной, комиссар...

Шарко улыбнулся мальчишке от всего сердца. Ему нравилась наивность этих ребяташек, нравилось простодушие, доказывавшее, что живет в них еще какая-то чистота, какой-то свет, которых не найти во все повидавших стариках – таких стреляных воробьях, как он сам.

– Преступник раздел убитых и захоронил их в рыхлой влажной земле, поблизости от воды, именно затем, чтобы ускорить разложение. Несмотря на то что место уединенное, непригодное для застройки, он опасался, что тела будут найдены, потому зарыл их так глубоко. Ну а коли уж он соблюдал все эти меры предосторожности, он просто не мог оставить трупы опознаваемыми. Специалисты сейчас способны снять отпечатки пальцев даже у мумифицирован-

ных трупов, убийца, возможно, знал об этом, вот и перестраховался: без зубов и без кистей рук жертвы так и останутся анонимными.

– Не обязательно и не совсем анонимными! Даже из такого скудного биоматериала можно выделить ДНК.

– О, ДНК!.. Да-да, на это всегда можно надеяться.

Они сели в машину, Шарко включил зажигание и тронулся с места.

– Кому мне надо позвонить насчет номера? Помню, что уже говорил об этом, но повторяю еще раз: я хочу большой номер и непременно с ванной.

6

Людовик Сенешаль жил за ипподромом Марк-ан-Барёля, неприметного городка, притулившегося к Лиллю. Тихая улочка, кирпичный дом в современном стиле, маленький садик – такой, чтобы не проводить всю субботу за стрижкой газона. Люси с улыбкой взглянула на окно второго этажа. Там, в чистенькой спальне, они первый раз любили друг друга. Обычное дело для тех, кого сводит сайт знакомств, комплект деталей для сборки... Сначала встречаешься потехи ради, потом по-настоящему, потом ложишься в постель, а потом... потом посмотрим.

Она посмотрела. Людовик был хорош во всех отношениях: серьезный, внимательный, обладающий множеством других достоинств, но ему не хватало блеска, элегантности, да просто – выправки. А откуда? Если живешь как столетний дед, если никаких удовольствий, кроме кино: день проходит за сводками социального страхования, вечером – фильмы, а назавтра все сначала... Да если к тому же у тебя явная тенденция предаваться мрачным мыслям, хандрить... Люси было очень трудно вообразить Сенешаля отцом своих близняшек, человеком, который стал бы подбадривать девочек на танцевальных конкурсах или кататься с ними на велосипеде.

Она вставила ключ в замочную скважину и только тут заметила: дверь-то открыта. Легко догадаться: Людовик впал в такую панику, что бросил все как есть. Она вошла, заперла за собой дверь. Внутри было просторно, обстановка в том же стиле, что и дом: современная. Именно такого пространства не хватало ей и ее дочерям. Но может быть, когда-нибудь...

Надо вспомнить дорогу в подвал. Киносеансы с пивом и попкорном, подсушенным в микроволновке, – это нечто незабываемое, вневременное.

Проходя через холл, она видела перевернутые стулья, разбитые вазы и очень ясно представляла себе: вот, перед тем как позвонить ей, совершенно слепой Людовик ощупью поднимается по лестнице, вот он идет, натываясь на все, что попадает на пути...

Люси сбежала по ступенькам и оказалась в «карманном кинотеатре». С прошлого года ничего не изменилось, все осталось на местах. Стены по-прежнему обиты толстой красной тканью, запах старых ковров, атмосфера семидесятых... Во всем этом было свое очарование. В белом луче проектора мерцал этот его знаменитый экран из специальной ткани с микросферами.

Она толкнула дверь крошечной проекционной. Там все еще горела мощная ксеноновая лампа и было жарко будто в печке. Казалось, все пространство заполнено стрекотом, приемная бобина крутилась впустую, в воздухе болтался свисающий кончик пленки. Люси, долго не раздумывая, ткнула пальцем в большую красную кнопку на блоке питания, мастодонте весом не меньше шестидесяти кило. Стрекот наконец прекратился.

Тогда она нажала на выключатель, и замигала неоновая лампочка. Стало видно, что в комнатке ужасный беспорядок: повсюду валяются пустые бобины, магнитофоны, афиши... Организованный бардак – вполне в стиле Людовика. Она попыталась вспомнить, как заряжают проектор, чтобы посмотреть фильм. Так, прежде всего надо поменять местами передающую и приемную бобины, закрепив каждую скобочкой на оси соответствующего барабана, потом проверить, совпадают ли перфорации пленки с зубчиками передающего устройства, и только тогда можно нажать на пуск... Кнопка перед ней оказалась чересчур много, так что простая на первый взгляд задача осложнилась, но все-таки ей повезло, она справилась, запустила машину – и вот уже магия света и человеческого глаза превращает последовательность малюсеньких разрозненных кадров в плавное движение.

И рождается кино.

Люси погасила свет, закрыла за собой дверь проекционной и спустилась на три ступеньки – в зал. Садиться не стала – так и стояла у задней стены, скрестив на груди руки. Эта пустая комната, эти двенадцать обитых зеленой искусственной кожей кресел – в них было что-

то угнетающее. Как, впрочем, и в их владельце. Она уставилась на экран, ощущая все-таки нечто вроде боязни. Людовик говорил, что фильм странный, и теперь слеп... А если в этих изображениях есть что-то опасное, например... например, яркий свет, до того яркий, что и она может ослепнуть? Люси покачала головой: да что за ерунда! Полная ерунда! У Людовика наверняка опухоль мозга.

Луч света пронизал темноту, и перед Люси вспыхнул большой белый прямоугольник. Пошли кадры. Сначала экран был равномерно черным, потом – через пять или шесть секунд – в верхнем правом углу появился белый кружок. И в ту же минуту зазвучала оглушительная музыка – просто-таки стены задрожали. Веселенький мотивчик, из тех, что извергались в стирину из недр каруселей на сельских праздниках. Люси улыбнулась, услышав шипение и потрескивание, которые ничем не забить: звуковой ряд совершенно точно был записан с древней сорокапятки или почище того – с фонографа.

Никаких титров, никакого названия. Центральную часть экрана заняло женское лицо: крупный план, вписанный в овал. Вокруг этого овала по-прежнему царили сумерки, словно все заволокло сероватым, почти черным туманом, – у киношников это вроде бы называется «каше». Ставят перед объективом какую-то штуку, ну и получается эффект, как будто смотришь через замочную скважину, этакий вуайеризм.

Люси решила, что актриса красива, а взгляд ее больших таинственных глаз гипнотизирует. Девушке на экране было лет двадцать, она смотрела прямо в объектив. Темная помада на губах, гладкие черные как смоль волосы убраны назад, один-единственный завиток на лбу, изящная, чистого рисунка шея. И можно догадаться, что на ней клетчатый жакет: верх немножко виден. Люси вспомнились семейные фотографии – она видела такие внутри строгих медальонов, хранившихся в старинных, времен бабушек-дедушек, шкатулках для драгоценностей. Юная актриса смотрела вроде как свысока, без улыбки, и напоминала роковых женщин из фильмов Хичкока. Вот губы ее задвигались, она что-то сказала, но беззвучно, а по губам Люси ничего прочесть не смогла. Потом в кадре появились два пальца – два мужских пальца, они спустились сверху и раздвинули веки на левом глазу девушки, и тут же ворвавшийся откуда-то слева и исчезнувший потом за правой границей кадра скальпель разрезал глаз надвое, и при этом гремела цирковая музыка, звякали цимбалы.

Сжав зубы, Люси отвернулась. Поздно. Увиденное хлестнуло ее слишком резко, и она разозлилась. Нет, она совсем не против ужасиков, даже наоборот – она с удовольствием смотрела такие фильмы, особенно в субботу вечером, но она ненавидела манеру некоторых режиссеров обрушивать на зрителя нечто невыносимое, не давая ему ни малейшего шанса избежать гнусного зрелища. Мерзость из мерзостей! Низко и подло так делать, считала Люси.

И вдруг звуки фанфар оборвались.

Воцарилась тишина – ни шороха, кроме тревожного жужжания проектора.

Люси, слегка уже не в себе, подумала, взглянув на экран: еще один подобный кадр – и надо прекращать этот дурацкий сеанс. Кровавых сцен хватает и в больнице скорой помощи!

Напряжение все возрастало, и теперь она чувствовала себя не так уверенно, как в начале просмотра.

От проектора к экрану по-прежнему тянулся световой конус. На полотне возникли подметки, затем башмаки, которым они соответствовали, шаг за шагом ушли вглубь кадра, и на экране осталось только небо, ослепительное небо, которое подействовало на Люси успокаивающе. Потом появилась беленькая девочка в строгом костюме, она качалась на качелях и улыбалась во весь рот. Черно-белый эпизод, немой, хотя видно, что малышка что-то говорит. У девочки длинные волосы, почти наверняка золотистые, и вся она излучает сияние. Радужка глаз ловит солнечные лучи, тени деревьев пляшут на нежной коже. Освещение, ракурсы, пойманное объективом выражение лица ребенка – все это позволяло думать, что фильм снимали профессионалы. Иногда – нет, довольно часто – камера, подвижная камера (вероятно, опера-

тор переходил с места на место, держа ее в руках), задерживалась на глазу малышки. Ясный, чистый, полный жизни глаз. Яблоко чуть подрагивает, зрачок расширяется и сужается, как диафрагма объектива. Белый кружок так и оставался в верхнем правом углу экрана, и Люси никак не удавалось забыть о нем. Не то чтобы ее привлекал этот кружок, скорее мешал, и почему-то, она сама не могла понять почему, по спине поползли мурашки. Все-таки сцена с порезанным глазом сильно ее потрясла.

Планы с девочкой шли теперь один за другим, но они стали большей частью очень короткими, и один, похоже, не имел никакого отношения к другому. Как во сне, когда сменяют друг друга обрывки видений, не привязанных ни к определенному пространству, ни к определенному времени. Иногда изображение словно бы подпрыгивало, но тут, может быть, дело было в качестве пленки. Камера металась от глаза девочки к качелям, от качелей к ручонке, играющей с муравьями. Вот крупный план жующего рта, потом сразу – поднимающиеся и опускающиеся веки. Вдруг – долгий, минуты на две, даже на три – общий план: девочка нежно ласкает двух сидящих в траве котят. Берет их на руки, прижимает к себе, целует. А в это время – Люси никак не могла понять, как это сделано, – все вокруг заволакивает туманом. Когда девочка бросает взгляд на камеру, она не играет никакой роли, она общенчески улыбается, она говорит с кем-то, кого хорошо знает. А потом приближается к камере и кружится. Кружится, кружится, кружится... И изображение на экране тоже начинает кружиться, будто аккомпанируя танцу, будто у оператора посреди этого тумана у самого закружилась голова.

Следующий эпизод. Во взгляде девочки опять что-то изменилось, теперь он полон глубокой, вековой печали. Невероятно мрачный кадр. Вокруг темной картинке, как и раньше, танцующая, стекает по экрану туман. Камера приближается, отступает, снова приближается, поддразнивая девочку, и та отталкивает объектив, протягивая вперед руки, – точно насекомое отгоняет. Люси, глядя на все это, чувствует себя не в своей тарелке, чувствует себя лишней, как будто тайком подглядывает за сценой, происходящей между отцом и дочерью.

Эпизод так же внезапно, как предыдущие, заканчивается. Люси переводит взгляд туда-сюда, стараясь освоить обстановку новой сцены. Обширное, заросшее травой пространство, огороженное заборами, над ним – мглистое черное небо, в небе хаотичное движение облаков... или не облаков... какое-то тут все ненатуральное, может быть, спецэффекты? На краю пастбища – а это пастбище? – девочка. Руки ребенка висят вдоль тела, в правой руке – нож. Огромный нож, такие бывают у мясников, он явно не подходит к этим невинным пальчикам.

Наезд на глаза девочки. Они смотрят в пустоту, зрачки вроде бы расширены. Люси чувствует: что-то эту девочку встревожило, взволновало. Камера медленно движется позади ограды, идет, идет, идет... и вдруг бросается вправо, чтобы запечатлеть бешеного быка. Здоровенное, пышущее силой чудовище, на губах – пена, роет землю копытом, пытается снести ограду. Огромные, как сабли, рога выставлены вперед.

Единственная зрительница невольно прикрывает рот ладонью. Они же не решатся...

Люси наваливается на спинку стоящего впереди нее кресла, шея вытянута вперед, к экрану, ногти впиваются в зеленую кожу обивки.

Вдруг в кадре появляется неизвестно чья рука и отодвигает шпингалет, распахивает воротца. Тот, кто это делает, намеренно остается за кадром. И вот уже загон, в котором находится возбужденное животное, открыт. Зверь вырисовывается темной массой, могучий, разозленный. Сколько он весит? Наверное, не меньше тонны? Вот он поворачивается вокруг своей оси, замирает в центре площадки и, кажется, вглядывается в девочку. Девочка неподвижна.

Зрительнице очень хочется подняться в проекционную и остановить сеанс. Игры кончились, никаких уже качелей, улыбок, общенчества, сейчас начнется непостижимое, немислимое, и в него надо будет окунуться с головой.

Люси прижимает палец к губам, она глаз не может отвести от этого чертова экрана. В небе, раздуваясь, клубятся черные облака, все погружается во тьму, все словно бы готовится

к трагическому финалу. И тут у Люси появляется ощущение, что постановщик хочет показать борьбу Добра со Злом. Со Злом, ни с чем не соизмеримым по силе, со Злом неприступным и неуязвимым. Давид и Голиаф.

Бык идет в атаку.

От немоты фильма и отсутствия музыки впечатление удушья усиливается. Даже не слыша, догадываешься, как грохочут всякий раз копыта животного, соприкасаясь с землей, какое фырчанье раздается из маслянистых ноздрей. Теперь в кадре двое: слева – бык, справа – девочка. Расстояние между чудовищем и неподвижным ребенком сокращается. Тридцать метров, двадцать... Сколько же еще девочка будет стоять на месте? Почему она не закричит, почему не убежит? Люси вспомнила расширенные зрачки ребенка. Малышка загипнотизирована, ее накачали наркотиком?

Сейчас бык поднимет девочку на рога.

Десять метров, девять, восемь...

Пять метров!

Животное резко замедляет бег, все его мышцы напряжены, из-под копыт летят комья земли. И вот оно замирает – в метре от жертвы, не больше. Люси думает, что это просто стоп-кадр, она смотрит не дыша. Сейчас все возобновится, сейчас произойдет трагедия. Нет. Не происходит ровным счетом ничего. Бык не двигается, стоит на месте, тяжело дышит, и клочья пены падают с его губ. В бешеных глазах зверя можно прочесть желание сделать последний рывок, убить, но тело отказывается ему повиноваться.

Он парализован – вот какое определение сейчас лучше всего подходит быку.

Девочка смотрит на зверя не мигая. Делает шаг вперед, проскальзывает под морду чудовища, в сорок, в пятьдесят раз более тяжелого, чем она сама. Лицо ее не выражает никаких чувств. Она поднимает руку с ножом и уверенным движением перерезает глотку быка. Хлещет черная кровь, и бык, будто сраженный безумным матадором, валится на землю, поднимая тучу пыли.

Экран тут же становится темным, таким, каким был в начале фильма. Белый кружок справа сверху медленно исчезает.

И тогда в зале начинает мерцать свет – свет будто аплодирует увиденному. Фильм прощается со зрительницей.

Люси замерла. Внутри у нее все дрожало, ее бил озноб. Неужели она на самом деле это видела: как бешеный бык остановился перед ребенком, безропотно дал ребенку себя зарезать, неужели это снято одним куском, без монтажа?

Все еще дрожа, она поднялась в проекционную и резко нажала на кнопку. Стрекотание прекратилось, снова, потрескивая, загорелась лампа дневного света. Люси испытала бесконечное облегчение. Какой извращенный ум создал весь этот бред? Перед ней все еще мелькали расползающийся по экрану мерзкий туман, крупные планы с глазами, странное начало и странный финал, сцены неслыханной жестокости... Что-то отличало эту короткометражку от классических фильмов ужасов... Что?.. Реализм! Девчушка семи или восьми лет не могла быть актрисой. Или, наоборот, она была выдающейся, гениальной актрисой.

Люси собралась уже выбираться из подвала, когда услышала на первом этаже шаги. И как будто кто-то наступил на стекло, раздавил... Она затаила дыхание. Может, ей просто почудилось – после всех этих ужасов на экране? Стараясь не производить ни малейшего шума, она двинулась вверх по ступенькам. И вот наконец прихожая.

Дверь в дом приоткрыта.

Но она же, войдя, заперла ее на ключ!

Люси кинулась к двери, выглянула наружу.

Никого.

Озадаченная, она вернулась в дом и осмотрелась. На первый взгляд все в порядке, никто ничего не трогал, никто ничего не двигал. Она пошла по коридору, исследуя выходившие в него помещения. Ванная, кухня, кабинет...

Кабинет! А в кабинете Людовик хранит свои километры пленки!

Дверь и здесь оказалась приоткрыта. Люси проскользнула в щель и оказалась в комнате, где обычно стопками громоздились круглые жестяные коробки. Обычно... Сейчас все оказалось не так, как обычно: десятки коробок валялись на полу, куда ни глянь – выдернутая из своего гнездышка пленка. Люси работала в полиции, – естественно, она сразу заметила, что пленка вынута только из тех коробок, на которых нет этикеток: ни имени автора, ни названия фильма, ни года выпуска... Да, точно, незваный гость вытаскивал из коробок и исследовал именно и только такие пленки.

Тот, кто побывал здесь, искал что-то вполне определенное.

Анонимный фильм.

Людовик сказал, что приобрел накануне у одного коллекционера кучу фильмов, включая и тот, который она только что посмотрела. Люси поколебалась, еще раз оглядела комнату. Вызывать полицию и составлять протокол показалось ей бессмысленным: никаких следов взлома, никаких повреждений, ничего не украдено... Тем не менее она снова спустилась в подвал, отделила от проектора эту странную бобину, сунула в коробку и положила в сумку – надо отнести реставратору, визитка с адресом у нее есть. Похоже, ни одна короткометражка в жизни не производила на ее психику такого впечатления, она чувствовала себя опустошенной, она – повидавшая теперь уже за многие годы работы столько вскрытий и столько следов преступлений!

А когда она вышла наконец на свежий воздух – подумала, что дневной свет все-таки не такая уж плохая штука.

7

– А чем вы занимались, прежде чем начали пахать в управлении, комиссар Шарко?

– Скажем, чтобы не усложнять, что довольно долго проторчал в уголовке...

– Понятно.

Лицо комиссара Руанской территориальной службы судебной полиции Жоржа Переса, которому было поручено расследование по делу о пяти трупах в траншее, казалось суровым. В машине, когда Шарко ехал сюда с лейтенантом Пуарье, тот сообщил о своем начальнике, что шеф непреклонен, упрям и у него аллергия на любую форму вмешательства в его дела. Перес оказался невысоким – едва ли метр шестьдесят – и совершенно затерявшимся в своем сером костюме, но голос у него был сильный, как у Барри Уайта. Когда комиссар Перес принимался орать на подчиненных, стены дрожали.

– Вообще-то, мы не привыкли работать вместе с... с аналитиками. Надеюсь, вы сумеете разобраться во всем сами – народу у меня мало, и заняты все по горло.

Шарко сидел напротив Переса, положив руки на колени, и еле дышал от жары.

– Не беспокойтесь, я буду нем, как протокол вскрытия. И возможно, дня через два, через три слиняю отсюда с кучей ксерокопий под мышкой. Главное – обеспечить мне доступ к информации, – приезжий ткнул пальцем в сияющий лаком стол, – имею в виду, ко всей информации, и чтобы у меня в номере была ванная, потому что при такой температуре воздуха мне всегда охота полежать в ледяной воде.

Комиссар Перес разразился громовым хохотом, встал и запустил вентилятор, стоявший непосредственно перед портретом президента Саркози, на полную скорость.

– Ах, вам нужна информация! Ну так вот. Есть на сегодняшний день хоть какие-нибудь заслуживающие внимания результаты опроса по соседству? Нет! Есть свидетели, прямые или косвенные? Нет! На месте преступления, помимо разложившихся трупов, не было обнаружено ни единой улики, ни единого следа, что, впрочем, естественно, если трупы были зарыты несколько месяцев назад, да еще с учетом того, сколько с тех пор было гроз. Все наши: судмедэксперт, антрополог, энтомолог – бьются сейчас над тем, чтобы разобраться, какой шматок тела – чей. Это хуже пазла из тысячи кусочков! Наверняка до утра не закончат. Единственное, в чем мы уверены: жертвы – люди, и люди взрослые. К несчастью, вы рискуете уехать лишь с этой информацией, комиссар, то есть почти ни с чем.

Всякий раз, как ветерок от вентилятора ласкал Шарко щеку, он закрывал глаза.

– А как насчет списков пропавших, находящихся в розыске?

– Пока рано что-либо говорить. Жду ответа из Института судебной медицины насчет времени смерти и физических характеристик жертв. Одно точно: ни в нашем регионе, ни по стране в целом не было зарегистрировано столь массового исчезновения людей в одной конкретной местности.

– А вне страны? Интерпол что говорит?

– Придет время – свяжемся и с Интерполом, расследование только началось. Главное сейчас – понять, с чем мы столкнулись. Конечно, я собираюсь обратиться к ребятам из Интерпола, но ведь для начала следовало бы, наверное, разобраться, какую именно мы хотим получить от них информацию, разве не так?

Он скрестил руки и уставился в затемненное окно. Центральный комиссариат, блок-гауз из стекла и стали, вносивший дисгармонию в местный пейзаж, высился на левом берегу. Постояв с минуту молча, Перес снова повернулся к парижскому коллеге:

– А вы? Вы уже что-нибудь поняли? Ну и каковы первые выводы?

Обычно Шарко начинал разбираться в новом деле, когда досье уже было собрано полностью, и опирался тогда на четыре главных элемента, содержащиеся в материале. Как, соб-

ственно, произошло преступление, как действовал преступник, в каком состоянии была его психика во время преступления и в каком состоянии она, так сказать, «в мирной жизни». Сейчас ему просто не за что было зацепиться. Ни единой правдоподобной гипотезы, кроме той, что жертвы были убиты не там, где обнаружены. Череп посреди улицы не распилишь...

– Если честно, пока почти никаких. Тем не менее думаю, неплохо было бы поискать фигурантов среди местных правонарушителей или в закрытых уголовных делах. Посмотреть, например, кто у вас тут недавно вышел из тюрьмы. Поскольку тел так много, нельзя исключать месть. Чаще всего убийцы нападают на тех, кого знали раньше. Второе. Возможно, мы ищем кого-то, у кого есть грузовичок или автомобиль большой вместимости. Пять трупов на тачке или даже в багажнике не перевезешь. Может, стоит еще посмотреть, кто и когда нанимал такие машины?

– Посмотрим.

Шарко взял пиджак со спинки стула и кинул на плечо.

– Завтра, когда аутопсия всех трупов будет закончена, наведу к судмедэкспертам. Позаботитесь о том, чтобы там меня ждали?

Перес не сдержал вздоха.

– Как скажете. Еще что-нибудь надо сделать?

Парижанин протянул свою тяжелую руку:

– До завтра, комиссар. Будем надеяться, что трупы разговорятся. Не так давно я сам сидел на вашем месте и знаю, что это не слишком-то весело...

Полчаса спустя Шарко спокойно обедал на террасе кафе, расположенного напротив величественного Руанского собора. Он вспомнил то, что выучил в школе: «...а само свое львиное сердце английский король Ричард завещал похоронить в Руанском соборе, в специальном саркофаге», и улыбнулся. Память у него до сих пор была прекрасная, и он постоянно тренировал ее, разгадывая кроссворды. Одно из редких качеств, которые ему не изменили. И теперь он был доволен, почти счастлив. Ему казалось, что вырваться из щупальцев Гигантского Спрута – уже благо. Здесь жизнь выглядит совсем другой, куда более мирной, уравновешенной, просто-таки сладостной. К великому его удовольствию, он получил номер с ванной на шестом этаже отеля «Меркурий», что прямо за собором, а теперь – досыта наелся макарон, омерзительного местного мороженого с реблошоном и камамбером – несомненная приманка для туристов! – и напился воды. Вот только эта жарница, даже по ночам – жарница наверняка его прикончит...

Он вернулся в гостиницу. Принял ледяную ванну, надел трусы, почистил туфли, вытащил из спортивной сумки древний магнитофон на батарейках и нечто, тщательно упакованное в пузырчатый полиэтилен. Под упаковкой, которую он снял в высшей степени аккуратно, оказался миниатюрный паровозик с прицепленной к нему черной вагонеткой для дров и угля. Шарко поставил игрушку на тумбочку у кровати. Одна из передних лампочек-фар была разбита, но, даже увечный, этот паровозик ставил рекорды скорости на разложенных в его квартире рельсах.

Комиссар положил на язык таблетку зипрексы, запил ее стаканом воды и улегся на одеяло, заложив руки под голову. Гостиница... Отсыревший даже в такую жару безликий номер... Каким далеким все это казалось ему, когда он несколько лет руководил поисками преступников, не поднимая задницы с кожаного кресла...

А сегодня он снова «на земле», он снова встретился с кровью, с кишками и пока не знает, как это на него подействует. Конечно, может быть, ему и понравится, но прошлое способно выскочить внезапно, в любой момент. Лучше сохранять дистанцию. Сделать, соблюдая все правила, свое дело и вернуться под стеклянный колпак. Иначе Эжени заставит его расплатиться. Девочка, живущая у него в голове, терпеть не может, когда он сходит с рельсов.

Он погасил свет, повернулся на бок и включил магнитофон. Эжени наверняка не явится к нему сегодня: этим магнитным волнам, воздействовавшим на его мозг, удалось-таки ее усыпить.

И понеслись на полной скорости миниатюрные поезда – в динамике стучали по рельсам колесики, раздавались гудки... И Шарко заснул с улыбкой на губах, видя перед собой лица жены и дочери, погибших при ужасных обстоятельствах пять лет назад.

Он приехал в Руан расследовать гнусное преступление, но это не так уж важно. Сейчас он был один, он лежал в постели, слушал поезда, ванна была рядом, и ему было хорошо.

8

Выбравшись наконец после всех своих злоключений из дома Людовика Сенешаля, Люси сразу же отправилась с мерзкой бобиной к реставратору Клоду Пуанье и сказала ему, что во время просмотра этого фильма Людовик ослеп. Семидесятилетний специалист по аутопсии фильмов взял пленку и пообещал немедленно разобраться, что в ней могло быть такое.

Теперь, сидя у постели дочери, она с тяжелым вздохом в последний раз подносила ко рту девочки вилку. «Девочку надо заставить поесть!» – настырно повторяли врачи. Хорошо им говорить... попробовали бы сами!

– Ну давай, давай, моя маленькая, ну постарайся, очень тебя прошу.

Малышка покачала головой и заплакала. Щеки у нее ввалились, цвет лица стал зеленоватым. Люси оттолкнула столик на колесах, где стояла тарелка с отвратительным гороховым пюре, и прижала к себе дочку, чувствуя, как жаждут маленькие ручки соединиться у нее на спине и как им недостает на это сил. Просто невыносимо видеть, как висит теперь пижама на ее исхудавшей дочурке – прежде такой веселой, улыбчивой, – как ребенку, неразлучному с капельницей, неудобно двигаться...

– Не плачь, солнышко, не надо, все будет хорошо!

– Мам, я хочу к Кларе...

Два дня назад Люси поняла, какую совершила ошибку, и задумалась, а не вернуть ли вторую девочку из лагеря в Изере. Но ведь Клара так мечтала об этой поездке, ей так хотелось провести каникулы с подружками.

– Скоро вы увидите, лапушка. А еще раньше – совсем уже скоро – Клара пришлет тебе красивую открытку. Она же обещала.

Люси убедилась, что поблизости нет никого из персонала, и достала из сумки коробочку печенья в шоколаде.

– А этого – хочешь?

Жюльетта робко спросила:

– Да разве мне можно?

– Конечно можно. Только никому не говори, что ела печенье, ладно? Честное слово?

Девочка, слабо улыбнувшись, хлопнула ладошкой по протянутой ладони матери, потом съела оба печенья. От напряжения на шее малышки стали видны жилки и связки, и, дожевав, она сразу легла – уж слишком измотала ребенка болезнь. Люси, радуясь тому, что желудок ее дочурки наконец-то перестал быть пустым, поскорее избавилась от упаковки.

Только она успела это сделать – пришла медсестра за посудой, отметила с гримасой: «Две ложки пюре, полсухарика и ни кусочка ветчины» – и стало ясно, что капельницу пока не снимут, а о выписке из больницы и думать нечего.

Расстроенная донельзя, Люси присидела у постели дочери, пока та не заснула. Сидела, уставившись на экран телевизора.

Там говорили об ужасном преступлении на строительстве трубопровода в Верхней Нормандии. Куча трупов, у всех вскрыты черепа... С делом разбирается парижский профайлер, вот он как раз появился на экране. Могучий дядька, настоящий полицейский, совершенно ничего от психолога... Интересно, откуда он, какой он школы? Занимался ли раньше делами о серийных убийствах? Люси немножко завидовала этому парижанину: тип расследования, который сулит эта история с отпиленными макушками у трупов, интересовал ее больше всего. Искать и находить – уже наркотик, и какой же кайф – охота за чем-то или кем-то опасным, преследование... Но черт побери, разгар лета, она в отпуске, стало быть, ей положено развлекаться, прожигать жизнь и ни о чем не думать. В этот вечер, в больничной палате, наедине со своей девочкой, она чувствовала себя оторванной от мира.

Люси положила рядом с дочкой новую игрушку, подарок бабушки, голубого плюшевого слона, сказала медсестре, что ей надо выйти, и отправилась в Салангро, этот корпус всего-то метрах в ста от педиатрического. У доктора Турнеля были какие-то новости насчет Людовика Сенешаля.

Врач принял ее в просторном помещении, разделенном на две части стеклянной перегородкой, за которой можно было разглядеть установку для компьютерной томографии и другую ультрасовременную аппаратуру. Напротив Люси на светящейся стенке было развешено десятка два рентгеновских снимков, на столе лежали бумаги и анатомические схемы глаза, нервной системы, мозга. Доктор нервно потер подбородок, с утра, когда Люси видела его в прошлый раз, волосы его как будто прилипли к коже, под глазами обозначились мешки, теперь его не назовешь привлекательным – просто человек, затраханый работой, каких полно.

– Мы весь день его обследовали, – сказал Турнель, – и в конце концов, примерно час назад, перевели в психиатрическое отделение.

– Психиатрическое? – откликнулась изумленная Люси. – С чего это вдруг?

Турнель положил очки на стол и помассировал пальцами виски.

– Как бы вам объяснить попроще? Ладно, попробую... Дело в том, что в физиологическом смысле Людовик не слеп. Как я и говорил вам утром, зрачки у него сокращаются нормально и мы не обнаружили никакой сколько-нибудь значительной патологии во всей зрительной системе. Но в то же время взгляд у пациента блуждающий и с ним невозможен визуальный контакт.

– Вы сказали – в психиатрическое... То есть опухоли в мозгу нет?

Доктор повернулся к стене со снимками мозга Людовика, взял в руки один:

– Нет. Вот посмотрите: все чисто. Ни малейшей аномалии.

С таким же успехом он мог показать ей мозг коровы... Тем не менее Люси почувствовала, что ей стало спокойнее: значит, Людовик не умрет.

– Верю вам на слово, доктор.

– Мы искали не только опухоль, но и повреждения в затылочных долях: такие повреждения также могли бы привести к корковой слепоте. Искали, но и тут ничего не нашли.

– Что еще за «корковая слепота»?

Доктор устало улыбнулся:

– Мы считаем, что видим глазами, но на самом-то деле глаз – всего лишь инструмент или, можно еще сказать, колодец, через который проникает свет. Гляньте на это – сразу поймете, о чем речь.

Люси взяла протянутую врачом картонку с напечатанным на ней текстом.

ЭТТО ТЕСКТ НЕЖУН ДЯЛ ТГОО ЧОТБЫ ПАКОЗТАБ ЧТО АНШ
МОГЗ НЕ ПОСВРИНИМЕАТ ТОЧОН ТГОО ЧОТ ДИВИТ АНШ ЛГАЗ А
ЧОТ ОН АН ОНСОАВИНИ СОВЕОГ ПЫЮТА УНЗЕАТ СОЛАВ В ЦЛОМЕ
ЕН

БОРАЦЯА ВИНАМИНЯ НА РОПЯ-КОД ВУКБ

– Однако впечатляет...

– Вот видите! Ретине все равно, что она видит, ретина, то есть сетчатая оболочка глаза, готова воспроизвести любой физический объект, примерно так, как это делает киноэкран. Глаз – объект пассивный, линза, а интерпретирует увиденное мозг, используя для этого накопленный им опыт, пережитое, культурную среду. Только мозг делает изображение значащим, таким, каково оно на самом деле.

Врач повесил рентгеновский снимок на место.

– Самое удивительное в состоянии нашего пациента – то, что он способен обойти препятствие, его не видя. Какую-нибудь коробку, поставленную на пути, или стул, или другой предмет мебели. Мы сняли это на видео, могу показать. Тоже впечатляет!

– Нет, спасибо. Могу себе представить. То есть он видит, не видя. Но это же непостижимо...

– Да, непостижимо с точки зрения соматики, с точки зрения врачей, лечащих тело. Но если мы – офтальмологи, неврологи, терапевты – не видим у пациента никакой аномалии, стало быть дело в его психике.

– То есть вы хотите сказать, что у него болезнь вроде депрессии... или даже шизофрении? Что-то такое, что мешает ему видеть?

– Правильнее было бы говорить о неврозе, о тревожности, фобии или истерии. Что касается нас, то мы предполагаем именно истерическую слепоту. Речь идет о сенсорном расстройстве как следствии истерического превращения, конверсии, если пользоваться научными терминами. Другие проявления того же – воображаемый паралич, глухота, потеря чувствительности в конечностях... Один из самых известных в этом плане примеров – фантомные боли в ампутированной ноге или руке.

Доктор погасил свет, и они вышли в коридор неврологического отделения. Здесь горели тусклые лампы, и казалось, что ты попал в какое-то футуристическое, вычищенное до стерильности место.

– Психиатр объяснил бы вам это лучше меня, но в принципе истерия – защитный механизм, который запускается, чтобы уберечь психику от неожиданной агрессии извне. Истерическая реакция может возникнуть внезапно, если в окружающем человека мире вдруг появляется нечто имеющее отношение к его детству и глубоко для него мучительное, травмирующее.

– А какие-то особенные изображения тоже могут вызвать подобную реакцию?

– Понимаю, что вы имеете в виду. Фильм, из-за которого он, возможно, и ослеп? Да, месье Сенешаль без конца говорил мне об этом фильме. Теоретически такое возможно, и если принять во внимание обстоятельства, то я готов признать: причина именно в этой короткометражке. Слепота наступила во время просмотра, и единственная тут загвоздка – пациент утверждает, что ни один кадр его особенно не потряс. Вымысел в кино для месье Сенешаля – дело привычное, и показанный в начале фильма разрезанный глаз, о котором он упоминал, несколько его не взволновал. Что до остального, то, судя опять же по тому, что рассказывал сам пациент, там не было ничего способного нанести травму. Тем не менее месье Сенешаль даже и финала фильма не увидел: он был уже слеп.

– То есть он не видел эпизода с быком?

– С быком? Нет, среди перечисленных им эпизодов такого не было. Зато много говорилось о тревоге, страхе, о болезненном ощущении, которое нарастало по мере просмотра. Как будто месье Сенешаля взяли за горло и душили до тех пор, пока он не лишился зрения.

Люси во время просмотра чувствовала в точности то же самое: словно ее схватили за горло и душат. Она поежилась, потеряла руки у плеч. Хм, а ведь между рассеченным глазом и зарезанным быком, которого Людовик не видел, в фильме не было ничего по-настоящему страшного. Была только маленькая девочка, которая гладила кошку или ела, сидя за столом.

– А если в скрытых изображениях? Вот, скажем, если там был двадцать пятый кадр? Мог Людовик от такого ослепнуть?

Доктор помолчал, подумал.

– То, что ниже порога раздражения, имеете вы в виду... воздействие на подсознательное... Да, тут, пожалуй, стоило бы поискать.

– А... а что будет с Людовиком дальше? Он...

Врач остановился – они дошли до двери его кабинета.

– К нему должно вернуться зрение. Постепенно. Главное – попытаться найти причину травмы, выявить ее истоки. Мои коллеги-психиатры отлично знают, как это делается, – например, с помощью гипноза. Хотите, дам вам координаты профессора, который займется месье Сенешалем? Только потерпите – идите к психиатрам не раньше чем завтра во второй половине дня. А пока можете попробовать разобраться с фильмом.

Люси записала имя и телефон нового врача и вернулась в палату дочери, озадаченная таким странным поворотом истории. Травматический шок, обыск у Людовика, недомогание к концу просмотра... Что стоит за этим таинственным фильмом? Кто хочет отобрать его у Сенешала? Почему? Зачем?

Она бесшумно умылась в до смешного маленькой туалетной комнате при палате, переоделась в пижаму, довольно долго простояла, глядя в зеркало. Нет, не на себя – на отражение, на то, как пересеклись там, в зазеркалье, продолжения отброшенных гладкой поверхностью световых лучей. Доктор Турнель прав: глаз различает только сочетание цветов, форм, а вот эту женщину тридцати семи лет – невыспавшуюся, усталую, живущую в отсутствие любви и секса – видит мозг. Мозг, и ничто иное, разгадывает каждую световую вибрацию и ищет, как бы связать ее с прожитым.

Люси вспомнились наезды камеры на лицо девочки на качелях, ее крупные планы. Расширяющийся или сужающийся зрачок, движения радужки в овальной черной рамке-каше... И это впечатление неуместного вторжения, подглядывания через замочную скважину: глаз, который вбирает свет и молча наблюдает... А особенно много она думала о глазном яблоке, рассеянном пополам в первом же эпизоде фильма. Кажется, она в этот момент отвернулась – вот и доказательство бурной реакции ее мозга. Доказательство того, что именно мозг истолковал увиденное глазами.

С этой секунды ее восприятие фильма изменилось. Может быть, ставя при монтаже эпизод, вызывающий у зрителя такой сильный шок, в самом начале фильма, режиссер вовсе и не думал щеголять ужасами, может быть, он хотел этим сказать что-нибудь очень для него значимое, типа: «Сконцентрируйте внимание и как следует смотрите, что я хочу вам показать!» или «Делайте то, что сделал я своим скальпелем: открывайте глаза!».

Открыть глаза...

Посреди ночи мобильник, лежавший у ножки кресла, в котором Люси спала, завибрировал, но она на этот раз не проснулась, слишком устала.

В эсэмэске было написано: «Это реставратор Клод Пуанье. Приходите завтра ближе к обеду. У меня есть по меньшей мере странная информация о вашем фильме».

9

Два судмедэксперта и антрополог работали весь день и всю ночь, не спали ни минуты, и, когда Шарко, которому не терпелось задать им кучу вопросов, явился в руанский Институт судебной медицины утром понедельника, исследования были почти закончены и выводы частично сделаны. Потом, уже в Нантерре, надо будет, наверное, копаться в сотнях страниц отчетов, пришедших из этих стен, так что лучше к тому времени запастись информацией и по максимуму разобраться в том, в чем можно разобраться прямо сейчас.

Потом... Нет, он не стремился вернуться домой поскорее, даже притом что пребывание в этом здании, целиком отданном смерти, не сулило ничего приятного. Много, слишком много тяжелых воспоминаний, случаев нераскрытых преступлений приходило ему здесь на память. Ребенок, найденный мертвым на дне Сены. Проститутки с перерезанным горлом в каких-то гнусных мебелишках. Женщины, мужчины, избитые, располосованные, расчлененные, задушенные... Трагедии, которые разрушили его жизнь, подтолкнули к необходимости прибегать вновь и вновь к таблеткам зипрексы.

И все-таки он здесь. Именно здесь.

По дороге к судмедэксперту его перехватил специалист по костям и зубам доктор Пьер Плезан; доктор спешил: ему пора было на конференцию по кариесам Левенталья, какие бывают у наркоманов, употребляющих героин. Они наскоро обменялись парой банальностей, и Плезан перешел к делу:

– Кости оказались весьма красноречивы. Вам как рассказать – попроще или со всеми подробностями?

Высокому и худому Плезану было на вид лет тридцать, его блестящий мозг прятался за обширным и гладким, как драже, лбом. Позади врача были разложены черно-белые прямоугольники пленок, рентгеновские снимки тел, сочленений, костей, просвеченных рентгеновскими лучами.

– На данный момент все равно. Дайте мне для начала достаточно сведений для того, чтобы, когда получу материалы от Переса, не вгрызаться сразу же в полсотни страниц с техническими деталями.

Доктор Плезан провел комиссара к столам из нержавеющей стали, служащим для остеометрических измерений. Верхняя доска каждого была расчерчена, как миллиметровка, а по ней ездила еще и другая: перпендикулярная к ней, подвижная, в виде прямоугольного треугольника – с его помощью точно фиксировались размеры костей. На столах лежало четыре частично восстановленных скелета. В комнате, которая больше напоминала кухню, чем лабораторию, пахло сухой землей и моющими средствами: здесь с помощью водяной бани отделяли от костей лоскутья плоти.

– Пятый труп – тот, что лучше других сохранился, – в прозекторской, вы посмотрите – и его отправят в холодильник.

Плезан взял карандаш и ввел острое в передний шип носа левого, самого маленького скелета.

– Конец карандаша соприкасается с подбородком. Скулы выдвинуты вперед, лицо круглое и плоское. Этот человек – наверняка монголоид. Четверо остальных – светлокожие, люди европеоидной расы.

Первая хорошая новость: убитого азиата легче будет искать в полицейских сводках и протоколах. Плезан, оставив карандаш торчать из носа мертвеца, повернул разрезанный череп вертикально, так что опорой стала нижняя челюсть, и качнул взад-вперед. Отпустил руку – череп продолжал покачиваться.

– Вот такое раскачивание характерно для мужских черепов. Женские стоят на месте: мозг слишком мал, – улыбнулся он и тут же предупредил: – Я шучу!

Выражение лица Шарко не изменилось: у него-то не было никакого желания смеяться. Ночь выдалась беспокойная – ему мешало спать уличное движение и жужжание какой-то мухи, которую так и не удалось поймать и раздавить. Доктор, осознав, насколько не к месту пошутил, тоже стал серьезным.

– Уточнял я в основном по тазовым костям, их показания более достоверны. У женщин любой расы та кость, которая начинается от гребня лобка, приподнята. Здесь я ни разу такого не увидел, потому и могу с уверенностью сказать, что все наши клиенты – мужчины.

– А возраст?

– Сейчас перейду к возрасту. Поскольку ни у одного трупа не было зубов, я основывал свои выводы на состоянии швов черепа, на дегенеративных изменениях межпозвоночных суставов, какие могли бы быть связаны с артрозом, и главное – на состоянии края четвертого ребра, прилегающего к грудной кости. В этой области...

Шарко неожиданно прервал врача, кивнув в сторону кофеварки:

– Доктор, а можно чашку кофе? Я не успел позавтракать, и от этих запахов меня уже подташнивает.

Плезан слегка удивился тому, что его профессиональное рвение недооценено таким вот образом, минутку помолчал и направился в угол лаборатории, говоря на ходу:

– Нам повезло с трупами. Чем люди моложе, тем меньше поле для предварительных прикидок; выяснить, сколько лет было жертве, если лет этих больше тридцати, куда труднее. Для того чтобы определить возраст, мы исследуем лонное сочленение, оно же – лобковый симфиз. У молодых эта часть скелета очень неровная, шероховатая, бугристая, там наблюдаются впадины и глубокие борозды, а...

– Так сколько же им было лет?

Кофеварка урчала, кофе уже начал капать в кувшинчик. Плезан вернулся к столам со скелетами.

– Всем нашим юношам к моменту гибели было от двадцати двух до двадцати шести лет. Что касается роста каждого и других антропометрических подробностей – вы найдете их в отчете.

Комиссар Шарко прислонился спиной к стене. Жертвы молоды, все – мужского пола. Может быть, именно этим определялся выбор, может быть, возраст был важен для убийцы. Принадлежал ли он сам к тому же поколению? Был ли знаком со своими жертвами? Где с ними встречался? В университете, в спортивном клубе? Полицейский ткнул пальцем в череп, в нижней части которого, в районе затылка, виднелась дырочка, окруженная мелкими трещинами.

– Они были убиты пулей в голову?

Антрополог вооружился вязальной спицей.

– Убиты или ранены. Хотя если говорить об этих четверых, то они, видимо, были убиты. Пятого, возможно, только ранили в плечо, но его вам покажет доктор Бюснель. – Плезан указал концом спицы на позвоночный столб азиата. – Этому пуля попала в спину: четвертый позвонок у него раздроблен и осколки сдвинуты вперед. В тех двоих, по-видимому, стреляли спереди, и они были убиты именно этими выстрелами: здесь раздроблены некоторые ребра, – возможно, пуля, прежде чем поразить жизненно важный орган, рикошетом отскочила. Мой коллега-рентгенолог должен подвергнуть трупы сканированию, чтобы сделать трехмерную реконструкцию и попытаться воспроизвести точки входа и выхода пуль. Правда, учитывая состояние скелетов, и это может оказаться не слишком наглядным. Что до последнего – тут все ясно: убит выстрелом в голову, пуля даже не вышла через лицо, застряла.

Доктор разлил кофе по двум чашечкам и протянул одну Шарко, который, стоя неподвижно, разглядывал скелеты. В том, как были вычеркнуты из жизни эти четверо, нет ника-

кого сходства. Выстрелы в спину, в грудь, в голову. Обрядовая сторона отсутствует, массовое убийство похоже скорее на беспорядочное, стихийное действие, хотя то, как разделявали и упрятывали трупы, говорит о завидном мастерстве убийцы. Что же это было? Казнь? Сведение счетов? Столкновение?

Парижанин отхлебнул кофе.

– Думаю, пуль вы не обнаружили?

– Нет, конечно. Ни мы в телах, ни оперативники поблизости. Все пули были изъяты из тел, иногда очень грубым способом. Об этом свидетельствуют расщепленные ребра одного из скелетов.

Собственно, ничего другого Шарко и не ожидал. Убийца, уничтожая все следы, был последователен и проявил поразительную способность доводить намеченное до конца. В результате – нет никакой возможности провести нормальную баллистическую экспертизу, нет никакой возможности понять, что за оружие применялось.

– Может быть, уцелели хотя бы фрагменты пуль?

После безоболочечных пуль всегда остаются фрагменты, след в виде хвоста кометы или снежной бури.

– Ничего похожего. Наверняка это были пули со свинцовой рубашкой.

И это на самом-то деле не стало для Шарко открытием. Большая часть классических боеприпасов – в оболочке из сплавов, со свинцовым сердечником, а не полые и не просто свинцовые шарики, как пули для некоторых охотничьих ружей. Комиссар провел рукой по ежику на голове. Ему хотелось другого – того, что позволило бы ему пойти по верному следу, хотелось серьезных улик – таких, которые можно пощупать, потрогать... Стоп! Шарко напомнил себе, что сейчас он всего лишь зритель. Сейчас его задача – понять психологию преступника, разгадать его мотивы, а больше ничего. И он не поддастся бесам, подталкивающим его в прошлое, к временам, когда он работал на земле.

– Время смерти удалось определить?

– С этим в данном случае особенно сложно. Трупы, найденные в грунте, всегда вызывают самые серьезные проблемы: тут ведь все зависит от глубины захоронения, состава и влажности почвы, водородного показателя почвенного раствора... А там, где обнаружили наших клиентов, кислотность земли повышенная. По состоянию этой четверки я бы сказал, что давность преступления – от полугода до года. Точнее, к сожалению, определить невозможно.

Так. Стало быть, седая древность.

– Все парни были убиты одновременно?

– Думаю, да. Энтомолог, исследуя трупы, обнаружил на каждом куколки домашних мух, но в таком незначительном количестве, что это позволяет сделать два вывода: во-первых, тела были закопаны спустя день или два после убийства, во-вторых, на место захоронения они были откуда-то привезены.

В той части мозга Шарко, которую не затронула болезнь, уже переваривалась полученная информация. Надо снова пошуровать по спискам пропавших, ориентируясь теперь уже не на географию, а на хронологию. Антрополог между тем продолжал рассказывать:

– Я думаю, после убийства над телами трудились двое. Один отпиливал верхушки черепов, другой... другой занимался руками и зубами. Череп вскрыты с поистине хирургической чистотой и точностью. Совершенно очевидно, что применялась для этой операции пила Страйкера или какой-то другой инструмент из арсенала судебной медицины и патанатомии и орудовали этим инструментом вполне профессионально. Вот, можете убедиться: бороздки здесь характерные. – Он протянул полицейскому лупу.

Шарко взял лупу и положил на стол, не воспользовавшись ею.

– Профессионально... То есть вы хотите сказать, что с трупами работал специалист, медик?

– Работал человек, привычный к пиле. Отправная точка, к примеру, смыкается с точкой конечной, а я вам гарантирую, что это совсем не просто сделать, когда имеешь дело со структурой, близкой к форме шара. Что касается специальностей, то круг их достаточно широк – от лесоруба до судебного медика.

– Плоховато представляю себе лесоруба, срезающего дубы хирургической пилой... А что насчет второго скажете?

– Зубы вырваны грубо, корни остались в лунках. Похоже, делалось это с помощью клещей. Кисти рук, скорее всего, отрублены топором. Если бы все это делал тот же человек, что спиливал макушки, он наверняка действовал бы аккуратнее. И наверняка использовал бы свою пилу.

Доктор посмотрел на часы, поставил чашку и выключил кофеварку.

– Мне, к сожалению, пора идти. Вы все прочтете в...

– Мозг был удален?

– Полностью. Иначе мы обнаружили бы следы ликвора, то есть спинномозговой жидкости, или твердой мозговой оболочки. Плотная фиброзная ткань, из которой она состоит, содержит большое количество эластических волокон, способных не разложиться, пробыв год в земле. И еще у них изъяли глаза.

– Глаза?

– Да, об этом сказано в заключении. В земле, заполнившей глазные впадины, не обнаружено никаких признаков жидкости типа стекловидного тела. Остальное вы узнаете от доктора Бюсналя, его владения – в подвале. А я, если не возражаете, хочу после бессонной ночи хотя бы душ принять перед конференцией.

Они попрощались в коридоре, и Шарко, еще под впечатлением от всего услышанного, стал спускаться по лестнице. Пока ему виделось два пути, и один исключал другой. С одной стороны, расстрел и последовавшее за ним сокрытие трупов позволяли думать о казни: люди пытались напасть или убежать, их уложили на месте и спрятали тела, причем спрятали более чем профессионально. Глубокое захоронение – такой же надежный метод, как огонь или кислота. Но с другой стороны – эта история с изъятыми глазами и мозгом наводила на мысль об обряде, о ритуале, совершенном людьми, прекрасно владевшими собой, обладавшими завидным хладнокровием с некоторой примесью садизма. Узнав о пяти трупах, немедленно начинаешь думать о серийном убийце или о маньяке... Но тут-то убийц двое! Короче, в любом случае здесь с общими мерками не подойдешь. Шарко знал, что нельзя пренебрегать ни малейшей подробностью, потому что любая из таких подробностей способна вывести на глубинные мотивации преступника или преступников. На этой планете существуют люди достаточно порочные для того, чтобы убивать себе подобных и выедать потом из черепа их мозг серебряной ложечкой.

Комиссар добрался до морга. В глубине – стеклянная дверь, за дверью сияет не дающая тени хирургическая лампа. Вообще-то, нет ничего сложного в том, чтобы найти морг в любом институте судебной медицины: принюхайся и иди на запах.

Когда Шарко открыл дверь, доктор Бюсель поливал водой кафельный пол, и парижский полицейский остановился на пороге в ожидании, пока прозектор наконец его заметит и подойдет к нему.

– Комиссар Шарко из Парижа?

Шарко протянул руку. Рукопожатие оказалось крепким.

– Вижу, что комиссар Перес по всем правилам распространил информацию.

– Вы пришли позже всех, и должен признаться, мне уже наскучило повторять одно и то же. Я уже два дня не выхожу из этого подвала, и есть протоколы и...

Шарко показал на муху, которая сидела на покрывающей труп зеленой простыне:

– В моей гостинице тоже была муха. Между тем здесь холодно. Ничем их не остановить. Ненавижу насекомых, особенно тех, что летают.

Бюснель, не скрывая раздражения, направился к столу и откинул простыню.

– Ладно. Может, подойдете, чтобы покончить с этим?

Комиссар посмотрел на спокойно стекавшую в желобок воду и медленно, осторожно приблизился.

– Я очень берегу свои башмаки. Они из кордовской кожи и...

– Может, если не возражаете, поговорим наконец о теле? Том, что лучше других сохранилось. Полагаю, мой коллега-антрополог вас уже просветил?

– Да, именно так.

Бюснель был крепким мужчиной высокого роста: метр девяносто или около того. Квадратная рожа, сплюснутый нос – такого легко представить себе в свалке на игре в регби. Шарко перевел глаза на труп. Ему открылось нечто неопишное: месиво из плоти, земли, костей и жил, настолько лишенное чего-либо человеческого, что уже и не пугало, не отталкивало. Тут тоже верхушка черепа была отпилена.

Судмедэксперт ткнул пальцем в место, где предполагалось плечо:

– Сюда попала пуля, а отсюда, через дельтовидную мышцу, она вылетела. *Apriori*⁴ не это стало причиной смерти. Я говорю *apriori*, потому что при таком состоянии тела сказать что-либо точное о причинах и времени смерти выше сил человеческих. – Затем Бюснель обвел рукой лишённые мяса кости рук, запястий, торса. – Отсюда была содрана кожа.

– С помощью какого инструмента?

Доктор обернулся к столу и взял оттуда закрытую наглухо склянку. Шарко прищурился:

– Ногтями?

– Да, ногти так и остались в мясе, причем я думаю, что речь идет о его собственных ногтях. С большого, указательного и среднего пальцев правой руки. Это еще предстоит подтвердить анализами.

– Он что, этот затейник, сам с себя кожу сдирал перед смертью?

– Получается так. С непостижимой силой и яростью. Боль при этом он должен был испытывать чудовищную.

У полицейского все обострилось ощущение того, что его кружит водоворот и вода при этом мутная. Открытия не просто ошеломили – ничего подобного он даже представить себе не мог.

– А... а другие тела?

– В таком состоянии, что сказать о них что-либо еще труднее. Полагаю, и с них в некоторых местах была содрана кожа – в частности, на плечах, на лодыжках и на спине. Но не ногтями. Следы четкие, равномерно расположенные, довольно глубокие. Такие следы можно было бы оставить, действуя ножом или другим режущим инструментом. Классическая технология хитреца, которому нужно избавиться от татуировок на теле. – Он снова указал на ногти. – Можно вынудить кого угодно себя покалечить, приставив ему к виску ствол. Узнать бы почему и зачем...

– Я могу получить фотографии?

– Они в папках с документацией. И это не слишком-то красиво, это ой как некрасиво, уж поверьте.

– Я всегда верю судмедэкспертам.

Патологоанатом кивнул в направлении полки, где лежал прозрачный пластиковый пакетик.

⁴ Здесь: на первый взгляд (лат.).

– Есть еще это. Крошечный кусочек зеленого пластика, найденный у него под кожей – между ключицей и шеей.

Шарко подошел к полке:

– Что бы это могло быть такое, как вы думаете? Есть идеи на этот счет?

– Нечто округлое, типа цилиндрика, и проколотое в середине. Скорее всего, фрагмент порта или манжетки подкожного внутривенного катетера, какие применяются в хирургии.

– А с какой целью они применяются?

– Уточню это у кого-нибудь из хирургов, но, помнится, областей применения довольно много. Часто, к примеру, такие катетеры ставят онкологическим больным, находящимся на длительном курсе химиотерапии, иногда так подают питательные растворы, препараты крови, даже антибиотики. Смысл тут в том, что благодаря катетерам нет необходимости постоянно травмировать вену. Думаю, кое-что подскажет токсикологический анализ тканей: был ли клиент чем-нибудь болен? Не страдал ли он, например, раком?

– Что еще?

– Остальное – уже не мое дело. Остальное относится к области технологии судмедэкспертизы, для вас не особо существенной. Ну, скажем, я изъяс кусочки ткани из поясничной мышцы, чтобы можно было определить ДНК каждой жертвы. Поскольку черепа у всех были начисто выбриты, отправил ребятам из токсикологической лаборатории волосы с лобка. Теперь пусть они пашут. Будем надеяться, что их открытия позволят идентифицировать эти трупы, иначе дело затянется до бесконечности и чрезмерно усложнится.

– А вам не кажется, что это уже произошло?

Судмедэксперт принялся стаскивать с себя запятнанный комбинезон. Шарко, глядя вниз, в пол, потер губы:

– Даже в те времена, когда я не вылезал из моргов, мне ни разу и в голову не пришло купить такую обувь, как у вас, резиновую. Вы и представить себе не можете, сколько пар мокасин я там вконец загубил! Запах смерти, он... он будто врастает в кожу. А такие, как у вас, – они где продаются-то?

Доктор пристально поглядел на собеседника, потом разложил по местам в глубине проекторской недавно использованные инструменты и ответил, чуть улыбаясь:

– Сходите в «Леруа Мерлен», там в отделе садоводства найдете то, что вам нужно. А теперь – всего вам наилучшего, комиссар, желаю успеха! Я же, с вашего позволения, пойду наконец посплю.

Оказавшись на улице, Шарко первым делом глотнул побольше свежего воздуха, потом посмотрел на часы. Почти одиннадцать... Большую часть экспертных заключений он получит к концу дня. Парижский полицейский глянул на безоблачное небо и принялся к своей одежде. Меньше двух часов там пробыл – и все насквозь пропиталось вонью... Франк решил, что надо зайти в отель переодеться, а потом уже отправиться к коллегам в территориальное управление, чтобы узнать, как там все, и, если получится, почитать дела. Да, еще не забыть бы в гостинице разделаться с этой чертовой мухой, которая не давала ему спать.

Ну а если в течение сорока восьми часов ничего здесь не сдвинется с места и не будут получены конкретные данные, он соберет вещи и двинет в Нантерр. Будет думать там. Уж очень он соскучился по своим маленьким поездкам, сил нет как соскучился.

10

Реставратор киноплёнки Клод Пуанье жил на улице Гамбетта – в самом водовороте разноцветных и разнообразных магазинов и лавок. С одной стороны – Ваземм, с его крытым рынком и смешением народов, с другой – открывался путь в студенческие кварталы, находящиеся между улицами Сольферино и Вобана. Домик реставратора зажали с двух сторон китайский ресторан и табачный ларек, а семидесятилетний хозяин был на вид так же неказист, как его обиталище: очки с бифокальными стеклами в коричневой роговой оправе, старый бордовый шерстяной пуловер с V-образным вырезом, плохо поглаженная клетчатая сорочка. Кем он был на самом деле – реставратором древних фильмов или все-таки древним реставратором фильмов?

– Я сказал бы о себе «древний реставратор древних фильмов», – улыбнулся, словно прочитав ее мысли, хозяин домишка. – Работу десять лет назад пришлось оставить из-за глаз. Помутнели, свет проходит уже не так хорошо, как раньше. А кино ведь, знаете, – это прежде всего свет. Нет света – нет кино.

Люси вошла в один из тех еще сохранившихся на севере старинных домов, где в гостиной можно увидеть кафельный пол из наклеенных на цемент плиток, где все трубы прокладывались на виду, а потолки были высокими. На газовой плите дымился кофейник, распространяя по всему дому едкий запах; когда Клод принялся разливать варево по чашкам, Люси подумала, что это не иначе как жидкий уголь, и сразу бросила в свою целых два куска сахара – она-то, сроду не пившая сладкого кофе!

– Ну что, Клод? Вы уже произвели вскрытие фильма?

Пуанье снова улыбнулся. Зубы старика выглядели такими же не тронутыми цивилизацией, как обстановка его дома, тем не менее, если бы убрать морщины, наверняка оказалось бы, что Клод – мужчина невероятного обаяния. Типа Редфорда.

– Ах, до чего же полицейский термин – «вскрытие»! Но как такой прелестной женщине пришлось в голову гоняться за преступниками?

– Возможно, потому, что меня в дрожь от этого бросает. Мы ведь, в конце-то концов, делаем одно и то же: вы – с миром кино, с вашими бобинами, я – с миром улицы. Мы стараемся исправить то, что неладно.

Она постаралась глотнуть из чашки – ну и гадость, хоть весь сахар мира туда положи! К ней подошла ангорская кошка, мурлыча, потерлась о ее ноги. Люси ласково погладила кошку.

– Вы давно знакомы с Людовиком?

– Я служил в армии с его отцом. И именно я – больше двадцати лет назад – подарил Людовику его первый кинопроектор: Пате, для девяти с половиной миллиметровой плёнки. Сам я тогда попросту избавился от старичка таким образом – места-то у меня тут мало, а Людовик обрадовался, стал устраивать в доме своего отца киносеансы – показывал кино прямо на стене. Паршивая история с ним приключилась... Его мать тяжело заболела и умерла, когда мальчику еще и девяти не исполнилось. Знаете, он ведь хороший парень.

– Знаю. И пришла сюда, чтобы ему помочь. Расскажите мне о фильме?

– Пошли наверх.

Они стали подниматься по узким скрипучим ступенькам, выдававшим возраст дома, и Люси видела по дороге десятки портретов: не кинозвезд, а неизвестной женщины. Лицо этой женщины с очень тонким искусным макияжем фантастическим образом притягивало свет. Наверняка – память о былой страсти Клода, о безвременно утерянной любви... Добравшись до второго этажа, они оказались в подобию прихожей с истертым полом, здесь царил полумрак.

– Слева – моя проявочная лаборатория. Знаете, я ведь и сейчас иногда снимаю старенькой шестнадцатимиллиметровой камерой, просто так – забавы ради. Можете не сомневаться, что уйду я из этого мира, зажав в пальцах кусочек киноплёнки.

Он распахнул дверь в комнату без окон – и Люси увидела камеры, бобины с плёнкой, бидоны с химикатами, – потом тихонько прикрыл дверь:

– Нам надо дальше – туда, в глубину.

Последняя комната выглядела настоящим цехом киностудии или даже несколькими цехами вместе: тут стояли монтажные и просмотрные столы, самые совершенные компьютеры и сканеры для киноплёнки. Имелся в немалом числе и инструмент более давних времен: ножницы, склеечные прессы, резак для плёнки, рулоны скотча, линейки. Люси как чувствовала, когда спросила про «вскрытие»: похоже, здесь разбирали фильм на кусочки и исследовали каждый кусочек отдельно, как судмедэксперт исследует фрагменты тела... Здесь нашлись даже перчатки, которые реставратор тут же и натянул на руки, – правда, белые нитяные.

– Скоро ничего этого не будет. Цифровые камеры с объективами высочайшего разрешения полностью вытеснят добрые старые тридцатипятимиллиметровки. И уверяю вас – магия кино пропадет! Фильм без скачущего изображения – разве же это фильм?

Бобина, послужившая поводом для их встречи, была надета на вертикальную ось левой моталки просмотрного стола. Примерно метр плёнки был вытянут из бобины, протянут через центральное устройство, состоявшее из лупы и экрана, а кончик ее реставратор закрепил на принимающей, правой моталке. Из всех осветительных приборов в комнате горела только неоновая лампочка.

– Начнем сначала. Подойдите сюда, барышня, и позвольте мне прежде всего сказать, что вы очаровательны.

Старик явно за словом в карман не лез. Люси улыбнулась и села рядом с ним.

– Как будем смотреть? – спросил он. – С объяснениями попроще или можно с подробностями?

– Ради бога, не стесняйтесь объяснять подробно! Я же в этом ничего не понимаю, притом что обожаю кино. Как раз в те времена, когда вы подарили Людовику проектор, я впервые увидела фильм ужасов – смотрела одна в одиннадцать часов вечера. Это был «Изгоняющий дьявола» – лучшее и худшее из моих воспоминаний одновременно...

– «Изгоняющий дьявола»... Один из самых кассовых фильмов в истории кино. Его режиссер поставил актеров, снимавшихся в картине, в совершенно кошмарные условия, чтобы игра их получалась более естественной: оглушительные выстрелы у самого уха в самое непредсказуемое время, съемки в ледяном помещении... Теперь-то ведь с артистами так не обращаются – им требуется комфорт.

Люси смотрела на старого реставратора с нежностью. Он говорил до того горячо, до того страстно – прямо как ее отец, когда тому доводилось рассказывать об удочках, крючках и блеснах. Она была в те времена такая маленькая...

– Ну а наш фильм?

– Да-да, наш фильм! Прежде всего о формате: шестнадцать миллиметров. Все снято с ручной камеры: оператор держал ее на плече. Думаю, скорее всего, аппарат был швейцарский, «Болекс». Легкая портативная... легендарная камера пятидесятых... Странность в том, что – и на ракорде это обозначено – снимал оператор со скоростью пятьдесят кадров в секунду, тогда как нормальная для кино – двадцать четыре, но «Болекс» позволяет осуществлять такие эксперименты, он вообще дает возможность для самых разнообразных изысков, потому...

– Это оригинал фильма?

– Нет-нет, ну что вы! Оригинал – то, что выходит из камеры, проявляется и превращается в негатив, точно так же как в фотографии. А тираж делается на позитивной плёнке, где все так, как видит глаз. Мы всегда работаем с позитивом, который, кроме того, сохраняется

как резервная копия. Позитивную пленку можно резать, клеить, как угодно монтировать, не опасаясь повредить оригинал – он остается неприкосновенным.

Старик покрутил ручку справа, и на экране просмотрного стола, в нижней части кадра, появилась надпись: SAFETY.

– Эта надпись, украшающая начальный ракорд, свидетельствует, что основа пленки, подложка под эмульсией, – ацетатная, безопасная. А безопасна она потому, что исключено самовозгорание. До пятидесятых годов кино снимали в большинстве случаев на пленках с основой из нитрата целлюлозы, а она легко воспламенялась. Наверное, вы помните эпизод из «Кинотеатра „Парадизо“» – когда в проекционной у Филиппа Нуаре начинается пожар? Так вот, пожар то там начался только из-за того, что открыли коробку с пленкой на нитратной основе! Легендарная пленка...

Люси кивнула, соглашаясь, хотя фильма в глаза не видела: итальянская киноклассика не очень-то входила в круг ее интересов, в отличие от американских фильмов ужасов пятидесятых годов – вот их она была готова смотреть чуть ли не сутками.

– Черный кружочек над буквой «А» говорит о том, что пленка сделана в Канаде. Это – международная символика для «Кодака».

Канада... Людовик сказал, что обнаружил бобину на чердаке бельгийского коллекционера. Сегодня эта самая бобина находится во Франции. Должно быть, у таких анонимных фильмов жизнь не менее бурная, чем у марок или коллекционных монет: тоже путешествуют из страны в страну. Люси отодвинула мысль в дальний уголок памяти на случай, если окажется, что овчинка стоит выделки и придется поговорить об этом с наследником старика Шпильмана. Ох, надо признаться хотя бы себе самой, как возбуждает ее это частное, далекое от протоптанных тропок расследование... Клод между тем снова как будто бы откликнулся на ее мысли:

– Фильмы путешествуют, фильмы теряются... Представляете: пропало ведь больше половины того, что было сделано до начала Второй мировой войны! Среди этих исчезнувших произведений были истинные шедевры, а теперь они наверняка гниют на каких-нибудь чердаках... Мельес, Чаплин, кое-что из Джона Форда...

– А известно, когда был снят этот фильм?

Клод Пуанье покрутил ручку. Когда на экране возник самый первый кадр фильма: абсолютно черный с белым кружком, – реставратор указал пальцем на нижнюю часть пленки. Люси разглядела там, прямо над перфорацией, два символа: + и ■ – и какие-то цифры.

– «Кодак» использовал для датировки своих пленок код из геометрических фигур и математических символов. Этот код повторялся каждые двадцать лет.

Он протянул Люси лист бумаги, засунутый в прозрачный файл: что-то вроде таблички со множеством значков и цифр.

– Гляньте сюда, на таблицу. Крестик и квадратик означают, что данная позитивная копия была отпечатана либо в тридцать пятом году, либо в пятьдесят пятом, либо в семьдесят пятом. Однако состояние пленки и одежда актрисы в первой сцене со всей несомненностью указывают на то, что съемки производились в пятьдесят пятом году. А вот эти цифры, которые появляются через каждые двадцать кадров, – он снова указал пальцем на нижнюю часть пленки, – называют футажным номером. По футажному номеру можно установить изготовителя – в нашем случае это «Кодак», – тип пленки, номер рулона, последние же четыре циферки – это индивидуальный номер кадра. Короче, кей-код, который наносится на пленку в процессе ее изготовления и сохраняется на всех стадиях производства фильма, позволяет узнать о пленке все. В принципе, можно даже определить день, когда пленка вышла из лаборатории, и где эта лаборатория находится, однако сразу предупрежу, что по тем номерам, которые вы видите, вряд ли что удастся установить. Слишком давно все это было, и, если учесть, как далеко продвинулось за это время кино, вероятнее всего, лаборатории, где проявлялся оригинал, попросту уже не существует.

Старик посмотрел на Люси с довольным видом. За увеличивающими стеклами очков глаза старика казались особенно большими. Люси ответила ему улыбкой.

– Ну что, перейдем к содержанию?

Лицо Клода омрачилось, доброе настроение мигом улетучилось.

– Я должен был сказать вам с самого начала, что постановщик фильма – одновременно гений и психопат. Этаким извращенный разум, в котором объединились оба человеческих типа.

Люси почувствовала привычное для работы возбуждение. А как могло быть иначе: посреди отпуска, сидя в дальнем углу лаборатории реставратора киноплёнки, она ступила на границу такого же опасного мира, с каким сталкивается всякий день в комиссариате.

– Почему вы так решили?

– Здесь есть кадры... мягко говоря, тревожащие. Но ведь, наверное, вы и сами при просмотре ощутили в глубине души безотчетную, вам самой непонятную тревогу, да?

– Да, очень тягостное чувство. Мне даже нехорошо становилось. Особенно в начале, когда пошла сцена с глазом, такая от нее жуть охватывает...

– Совершенно очевидно, что тут-то как раз – чистый трюк. Рассеченный скальпелем глаз – глаз животного, возможно собаки. И цель этого эпизода – показать, что сам по себе глаз – всего лишь губка, которая впитывает изображение, гладкая поверхность, не осознающая смысла вещей. А для того чтобы раскрыть этот смысл, чтобы правильно видеть, надо пробить гладкую поверхность и двигаться дальше. Внутрь фильма...

Клод Пуанье крутил ручку до тех пор, пока под лупой не обозначилась фигура полностью обнаженной женщины. Щедрая грудь, вызывающая поза – да, это та самая высокомерная актриса из начала фильма, та самая, которой разрезали глаз. Стоит в полутьме, изображение не слишком контрастное... Стоит неподвижно, и вдруг откуда-то сзади появляются десятки рук, которые принимают осязывать ее тело, ее половые органы. Актёров не видно, должно быть, они с ног до головы одеты в черное, как помощники мага, когда на сцене показывают волшебство.

Реставратор снова крутанул ручку, проматывая плёнку, и тут же появилась девочка на качелях. Лицо женщины оказалось замещено лицом этого ребенка с точностью до сантиметра.

– Только что перед вами был так называемый двадцать пятый кадр, хотя тут-то надо говорить скорее о пятидесятом первом кадре. Короткометражка битком набита этими «пятидесятыми первыми», хотя датируется лента пятьдесят пятым годом, а сублиминальная реклама, иными словами, реклама, воздействующая на подсознание, впервые была официально использована американцем Джеймсом Вайкери только в пятьдесят седьмом. Так что, должен сказать, наличие здесь скрытых кадров удивляет, причем довольно сильно.

Люси знала: идея двадцать пятого кадра основывается на гипотезе о том, что глаз человека способен различать не больше двадцати четырех кадров в секунду, и поэтому дополнительный кадр, мелькнувший на экране за более короткое, чем 1/24 секунды, время, минуя сознание, воздействует сразу на подсознание. Она вспомнила, что Франсуа Миттеран использовал эту технологию в предвыборной кампании 1988 года. Лицо кандидата в президенты появлялось тогда в титрах новостей на «Антенн-2», но не оставалось на экране достаточно долго для того, чтобы зритель мог отметить это сознательно.

– Значит, тот, кто создал фильм, первооткрыватель принципа сублиминальной рекламы?

– В любом случае он проявил незаурядный талант в этой области. Великий Жорж Мельес изобрел все нынешние спецэффекты, но манипулировал плёнкой – не подсознанием. И не стоит забывать, что в пятидесятых годах, о которых мы говорим, научные знания о мозге и воздействии изображения на сознание были еще относительно архаичны. Один из моих друзей работает в области нейромаркетинга, я дам вам его адрес. Впрочем, если не возражаете, я бы и

фильм ему показал: возможно, ультрасовременная аппаратура поможет ученому увидеть нечто интересное, моими несовершенными глазами пропущенное.

– Нет-нет, какие же тут могут быть возражения!

Реставратор порылся в корзинке, в которую были свалены визитные карточки.

– Вот держите – на всякий случай. Мой друг расскажет вам о подсознательном куда лучше меня самого. Расскажет о мозге, о кинокадрах, об их воздействии на сознание... А вы отдаете себе отчет, до какой степени развилась возможность нами манипулировать, причем так, чтобы мы об этом даже и не подозревали? У вас есть дети?

Лицо молодой женщины смягчилось.

– Да. Близнецы. Клара и Жюльетта. Им по восемь лет.

– И наверное, вы уже познакомили их с Бьянкой и Бернардом?⁵

– А как же – все мамы это делают.

– Ну так вот. В этом мультфильме есть скрытое изображение голой женщины: в определенный момент оно возникает в окне. Думаю, здесь просто шутка аниматора, и, уверяю вас, никакого воздействия на ваших детей это не оказывает, слишком уж мало изображение, но все-таки рисунок там есть, пусть даже его никто за долгие годы просмотров и не заметил.

Разговор сворачивал куда-то не туда, как бы не увязнуть... Люси смотрела на обнаженную старлетку: экая она... вся настежь, бери не хочу... Ух ты, как скандально – для тех-то времен.

– А каким же образом режиссер вставлял в фильм эти кадры, действующие прямо на подсознание?

– Вы, когда учились в школе, вырезали картинки, клеили аппликации? Вот и он делал ровно то же самое. Для начала снял сцены с обнаженной актрисой на отдельной пленке, обозначим ее как пленку А, а сцены с девочкой – на пленке Б. Затем вырезал нужные ему кадры из пленки А и вклеил их в пленку Б, разрезав и ее там, где ему было надо. А когда дело было сделано, все это скопировали на новую пленку – и получили то, что вы видите. Многие знаменитые кинорежиссеры поступали так, чтобы усилить воздействие эпизода: Хичкок в «Психо», Дэвид Финчер в «Бойцовском клубе», большинство создателей фильмов ужасов, – но все это было куда позже. А в то время никто и заподозрить не мог наличия на пленке скрытых кадров.

– Скажите, Клод, наверное, в короткометражке есть и другие скрытые кадры? А там что?

– Похоть, порнография, все пропитано испариной и сексом. Есть еще откровенные и тошнотворные сцены половых актов, где действующие лица в масках. А в финале – сцены убийств.

– Убийств? – Люси почувствовала, как напрягаются мышцы.

Она уже слышала о так называемом мокром видео – документально-игровых порнофильмах, в которых засняты настоящие насилие и убийство. Кассеты с такими фильмами передаются из рук в руки в каких-то параллельных, подземных кругах... Неужели перед ней образчик подобного? «Мокрое видео», изготовленное задолго до появления бытовых видеокассет? Больше полвека назад? На кинопленке?

Клод принялся медленно крутить ручку, счетчики фиксировали время, реставратор останавливался на каждом скрытом изображении. Некоторые стоп-кадры с голыми людьми выглядели особенно непристойными, отталкивающими, на грани патологии. Какие могут быть сомнения, что в эпоху, когда женщина не всегда решалась даже и в купальнике показаться, все это должно было вызвать шок!

– Кровавые эпизоды – ближе к концу. Сцена с девочкой и быком ими изобилует. Простите, конечно, лишнее время уходит на перемотку с помощью этой ручки, но автоматический перемотчик сломался, а тут все-таки тринадцать минут фильма, то есть больше ста метров

⁵ Бьянка и Бернارد – мышки, персонажи диснеевского мультфильма «Спасатели».

пленки. Скажите, а вы встречались с Людовиком, у вас с ним что-то было? Ему всегда нравились женщины вашего типа.

– Моего типа? Это какого же?

– Типа Джоди Фостер.

Люси от души расхохоталась:

– Думаю, надо воспринимать ваши слова как комплимент?

– Вот именно.

Нет, положительно, лучше вернуться к делу.

– А эпизод, когда бык останавливается прямо перед девочкой, как был сделан? Там комбинированная съемка? – спросила она, поудобнее пристраивая на стуле затекшую спину.

Любопытно, по пальцам ведь можно сосчитать фильмы, которые произвели на нее настолько же сильное впечатление, как эта короткометражка. Люси казалось, она могла бы описать во всех подробностях любую сцену, словно бы череда эпизодов накрепко впечаталась в ее серое вещество.

– Возможно, – согласился реставратор. – Но в определенный момент животное действительно зарезали. Что же до девчонки, стоящей перед бычьей мордой... Здесь придется детально исследовать каждый кадр: может быть, оператор сначала снял быка одного, перемотал пленку обратно, не вынимая из камеры, и тогда уже снял девочку, поиграв с двойным экспонированием. Правда, мне этот способ кажется излишне громоздким, трудоемким, и, главное, надо признаться, что уж как-то слишком хорошо все это здесь сделано для эпохи, когда не было компьютеров и использовались в общем довольно примитивные материалы и аппаратура.

– А расширенные зрачки девочки вы заметили? Вдруг они ее накачали наркотиками?

– Актрис не накачивают наркотиками: даже если не думать о спецэффектах, в кино есть свои средства, способные расширить зрачки. И средства эти в пятидесятых были уже известны.

Реставратор замедлил скорость перемотки. Люси видела, как на экране сменяются кадры, как рождается и трансформируется движение – в зависимости от того, насколько быстро Клод крутит ручку...

Добрались до эпизода с пастбищем, окруженным заборами. Реставратор еще замедлил перемотку и наконец остановился. Стоп-кадр представлял собой изображение голы женщины. Вроде бы простодушная такая картинка: ну лежит себе женщина на травке... Да, конечно, простодушная, если бы не расползающиеся во все стороны, подобно библейским змеям, волосы и не круглая черная дыра, уходящая в глубь ее живота – как колодец.

Люси прикрыла рот рукой:

– Ах ты господи!..

Старик чуть подвинулся, взял в руки пленку и поставил ее под свет неоновой лампы:

– Вот посмотрите... Сделано просто классно: как и порнографические кадры, эта картинка не отличается по колориту от остальных. Здесь преобладают те же тона, здесь та же освещенность, та же контрастность. Всё просто один в один! Разве что пастбище чуть-чуть отличается, но и тут различие не очевидно: когда фильм идет на нормальной скорости, никакого перескока в цветовой гамме не происходит, стало быть, глазами мы ничего и не воспринимаем. Зато наш мозг воспринимает все полностью.

Люси едва ли не носом водила по пленке. Подумать только, ведь эти кадры прошли через ее глаза так, что она ничего не заметила! А теперь, метром дальше, она опять увидела на прозрачной ленте эту лежащую как мертвая женщину. Потом – по мере того, как Пуанье подавал пленку дальше, пропуская ее между пальцами, – еще и еще.

– При каждом появлении лежащей на траве голы актрисы – а появляется она каждые примерно двести кадров – у нее на теле появляется новый надрез, идущий от черного кружка на животе. Этакая последовательность во времени. И все только для того, чтобы получить...

Он вернул пленку на место и опять принялся крутить ручку, пока не дошел до невероятной сцены с быком, замершим в шаге от девочки. Следующее скрытое изображение стало контрастом ко всем предыдущим.

– ...глаз!

Люси с трудом улавливала, что за добыча шла к ней в руки, или, точнее, во что она вляпалась. Актрисе постепенно кромсали живот, делая надрезы вокруг дыры на месте пупка, который гляделся теперь как солнце с лучами-ранами. Открытые раны на белом, лежащем в густой траве теле. Когда смотришь – кажется, что прорези образуют радужку со зрачком посреди. Упрятанный за видимым изображением глаз, который наблюдает за тобой, упрятанный за видимым изображением взгляд, который пронизывает тебя насквозь, вызывая желание отвернуться. Больше не смотреть. *Больше не видеть.* У Люси появилось ощущение, что она изучает фотографии, сделанные на месте преступления, что перед ней – жертва убийцы-извращенца, садиста.

– Здесь не может быть никаких комбинированных кадров, – решительно сказала она. – Это настолько... настолько реально!

Клод снял очки и протер линзы лоскутком замши. Без увеличивающих стекол морщинистое лицо старика-реставратора казалось спокойным, было видно, какие тонкие у него черты.

– Так и должно быть при хорошо сделанной трюковой съемке. А я-то нисколько не сомневаюсь, что тут именно трюковая съемка.

Из-за того что изображение было черно-белым, изуродованное тело женщины четче выделялось на вполне мирном фоне, и сцена насилия выглядела еще более кошмарной. Люси никак не могла опомниться.

– Но почему вы в этом так уверены?

– Потому что это кино, а не реальная жизнь, барышня! Седьмое искусство – искусство магии, иллюзии, искусство обмана глаз. Тут вполне может быть манекен, а не живая... или мертвая женщина. Ловкость рук, грим плюс кое-какие постановочные эффекты – и все в порядке. И при этом – ничего настоящего! Но что бы там ни было, одно точно: режиссера наверняка преследовали две навязчивые идеи – глаз и воздействие образа на мозг. Первооткрыватель, как вы сказали, и действительно, его можно так назвать, учитывая, насколько нашу сегодняшнюю жизнь пропитали всякого рода изображения и всякого рода насилие. Наши дети сталкиваются за день больше чем с тремястами тысячами «картинок» – вы когда-нибудь об этом задумывались? А знаете ли вы, сколько «картинок» из этих трехсот с лишним тысяч показывают войну, насилие, смерть?

Обращенные в небо глаза той, кого Люси про себя называла жертвой, были пустыми, просто ни малейшей формы жизни... Чувствуя, что крыша у нее все-таки немножко поехала, Люси повернулась к Клоду:

– Как вы думаете, фильм показывали в кинотеатре?

– Думаю, нет. Показывали ленту или нет – всегда можно определить по виду перфораций, особенно тех, что в самом начале бобины, и в данном случае они явно не соприкасались с зубчиками барабана. Так что эта копия, во всяком случае, никогда не использовалась в сколько-нибудь широком масштабе.

– Зачем же тогда скрытые кадры, воздействующие на подсознание? Зачем все эти постановочные сцены?

– Для частных просмотров? Фильм, который постановщик еще кому-то показывал, как знать? Или созданный ради удовлетворения с помощью фантазма собственных садистских потребностей? Знаете, ведь подпороговое, или сублиминальное, воздействие обладает чрезвычайной силой. Поток изображений, который течет прямо в подсознание, минует какую бы то ни было цензуру, его ничем не остановишь. Как будто берут картинку и вклеивают ее прямо в мозг, опля – и она там! Идеальная возможность для пропаганды окольными путями наси-

лия, секса, извращений... Сейчас этим занимается Интернет, распространяя картинки и звуки, ну, например, на сайтах музыкальных групп, которые, используя определенные слова своих песен, отправляют тебе в подсознание месседж, как это теперь называется. Может быть, наш приятель тоже развлекался подобным образом? Хотя когда я думаю, что дело было в пятьдесят пятом... Фантастический он, этот тип, совершенно фантастический! Опять же как сейчас говорят: респект ему.

Клод выключил экран. Люси глаз не сводила с бобины, содержавшей тысячи последовательных кадров, где запечатлелись жизнь или смерть. Так, подумала она, в глубинах чудесной сверкающей реки могут таиться мириады невидимых, но опасных паразитов...

– Это все, что можно вытащить из фильма?

– Нет. Думаю, там есть и какие-то иные сообщения. Ну, например, зачем понадобилось пятьдесят кадров в секунду? Или – зачем этот белый кружок справа вверху, который присутствует в каждом кадре? И потом... – Реставратор поджал губы, покачал головой. – И потом, этот «туман», и эти очень темные зоны кадра, и эти неизменные серые тона, и каше перед объективом... Режиссер, похоже, не забавы ради играет контрастами, светом, недомолвками, а ими тоже что-то нам говорит... Когда я смотрел короткометражку, меня, как и вас, охватила тревога, мне стало страшно. Кадров с порнографией или даже с истязанием этой женщины недостаточно, чтобы создать такое болезненно-сильное ощущение. Ну и как забыть о том, что Людовик из-за этой пленки оказался в психушке! Должно быть, я что-то там пропустил, и надо теперь более вдумчиво исследовать фильм. Всмотреться в каждый кадр, в каждую часть кадра. Но на это нужно время...

Люси никак не удавалось избавиться от преследовавшего ее видения изуверченной женщины. Огромный черный глаз – как рана на животе несчастной. А может быть, это доказательство убийства. И даже если прошло больше полувека, ей надо разобраться, чтобы совесть была чиста. Или хотя бы понять.

– Как можно найти эту женщину?

Клода, кажется, не удивил вопрос. Он постоянно имел дело с фильмами, большей частью утерянными или анонимными, и должен был привыкнуть к вопросам подобного рода.

– Думаю, ее надо искать во Франции. На ней костюм в стиле Шанель образца пятьдесят четвертого года, стало быть, куплен он был за год до съемок. Моя мать носила точно такой же...

Снимали во Франции, проявляли и печатали копию в Канаде? Или, может быть, актриса (если это действительно актриса) приезжала туда на съемки? Зачем ей это понадобилось? Как ее уговорили сниматься в короткометражке, режиссер которой точно был ненормальным? В любом случае – вот и еще одна странность.

– ...великолепная грудь, грушевидные бедра, период Брижит Бардо, когда кинематографисты решились наконец показать женщину, был в самом разгаре. Лицо актрисы мне совершенно неизвестно, но я могу позвонить знакомому историку кино пятидесятых годов, а он, в свою очередь, связан со всеми архивами и синематеками страны. Среда, где делали порнографические и эротические фильмы, оставалась очень закрытой, цензура в те времена была строгой, тем не менее фильмы как-то ведь распространялись. Если эта женщина была профессиональной актрисой и снималась в других картинах тоже, мой приятель ее отыщет.

– Вы можете сделать для меня фотокопии скрытых кадров?

– Есть предложение получше! Давайте я оцифрую этот фильм целиком? Мой рассчитанный на шестнадцатимиллиметровую пленку сканер способен обработать две тысячи кадров в час. Разрешение мы получим, конечно, плохонькое, но это не страшно: качество изображения останется высоким – вы же не на киноэкране станете его смотреть, правда? Когда я закончу работу – положу копию на сервер, дам вам ссылку, и вы заберете фильм себе.

Люси горячо поблагодарила старика и сунула в корзинку с визитками свою служебную.

– Позвоните мне, когда будут новости.

Клод кивнул и сжал ее ладонь обеими руками.

– Я делаю это для Людовика. Благодаря его родителям я познакомился со своей женой, ее звали Мэрилин, как ту, другую... – Он вздохнул, во вздохе чувствовалась ностальгия. – И мне действительно хочется понять, почему из-за этого чертова фильма мальчик ослеп.

Выйдя на улицу, Люси взглянула на часы. Почти полдень. После сеанса в лаборатории реставратора к ней будто приклеилось ощущение тошноты. Невозможно было отделаться от мысли, что все эти скрытые кадры живут теперь в ней помимо ее воли. Она ощущала их в себе, ощущала, как они вибрируют где-то в организме, вот только не понять, где именно. Эпизод с разрезанным глазом очень сильно ее задел, но это она хотя бы осознавала, тогда как остальные... одна только извращенная мерзость, которую всадили ей в башку, и попробуй теперь бороться.

Кто, какие психи смотрели это бредовое творение? Зачем было вообще снимать эту короткометражку? Как и Клод Пуанье, Люси чувствовала: проклятая пленка хранит еще немало зловещих секретов.

Даже не пытаясь разогнать роящиеся в голове вопросы, Люси отправилась на площадь Республики, где ее ждала оставленная на стоянке машина. Прежде чем включить зажигание, она перечитала объявление Шпильмана-младшего на вырезке, которую дал ей Людовик: «Продается коллекция старых (30-е годы и позже), немых и звуковых, фильмов на шестнадцатипяти- и тридцатипятимиллиметровой пленке. Представлены все жанры, есть короткометражные и полнометражные ленты. Свыше 800 бобин, из которых 500 – шпионские фильмы. Цена по договоренности...» Может быть, сын человека, собравшего эту коллекцию, что-нибудь знает? Надо бы проехаться до Льежа... Но сначала она пойдет в больницу, чтобы пообедать вместе с матерью и Жюльеттой. Хм, если это называется «пообедать»... Ладно, не стоит привередничать.

И как же она соскучилась по доченьке, как ей не хватает ее детки, ужасно не хватает.

11

Шарко был вне себя. Он поочередно открывал двери всех туалетов в здании Руанской территориальной службы судебной полиции, чтобы убедиться: там никого нет. Капли пота стекали по вискам, проклятое солнце жарило и сквозь стекла. Черт знает что, гнусь какая-то! Соленый пот разъедал пылавшие яростью глаза, он резко повернулся:

– Ты оставишь меня в покое, Эжени, а? Принесу я тебе, принесу твой соус-коктейль, только не сейчас! Может быть, ты и не заметила, но сейчас я работаю!

Эжени сидела на краю умывальника. На ней было голубое платице, красные туфельки на застёжке, длинные светлые волосы стягивала резинка. Она сидела – такая свеженькая, ни капли пота! – и с лукавым видом наворачивала на палец белокурую прядку.

– Ты же знаешь, Франк, мне не нравится, когда ты этим занимаешься. Я боюсь скелетов и мертвецов. Элоиза тоже боялась, ну и зачем тогда ты снова начинаешь, зачем заставляешь меня бояться? Тебе что – плохо было в кабинете? Хорошо же? А теперь я больше никуда одна не уйду, я хочу быть с тобой.

Шарко метался, кипел как чайник на огне. Он кинулся к умывальнику, сунул голову под ледяную воду. Когда он выпрямился, Эжени по-прежнему сидела на краю, толкнул ее – девчонка не пошевелилась.

– Кончай говорить об Элоизе. Отстань! Ты должна была уйти после лечения, ты должна была исчез...

– Тогда мы немедленно возвращаемся в Париж, прямо сейчас. Я хочу играть с поездами. А если ты так плохо ко мне относишься, если ты опять отправишься смотреть на скелеты, это тебе даром не пройдет. Болван Вилли больше не может являться, чтобы тебе досаждать, но я-то могу. И когда хочу.

Господи, пристала куда хуже, чем банный лист. Комиссар обхватил голову руками. Потом вышел из туалета, захлопнул за собой дверь, свернул в другой коридор и... и увидел сидящую по-турецки на линолеуме лицом к нему Эжени. Обогнул ее, сделав вид, что не заметил, скрылся в кабинете Жоржа Переса. Руанский следователь пытался управиться одновременно с двумя трубками: стационарного телефона и мобильного, перед ним на столе высилась груда бумаг. Он прикрыл трубку ладонью и спросил Шарко:

– В чем дело?

– Получили новости от Интерпола?

– Да-да, мы же еще вчера отправили список в центральный офис.

Перес вернулся к прерванному разговору, Шарко так и торчал в дверном проеме.

– Можно мне увидеть этот список? – спросил он чуть погодя.

– Комиссар, ради бога, я же занят...

Парижанин кивнул и отправился в свой «кабинет» – выделенный ему уголок большой общей комнаты, где сидели пять или шесть руанских коллег. Июль, синее небо, отпуска... Несмотря на важность текущих расследований, шестеренки крутились тут замедленно.

Франк сел на стул у своего стола. Эжени его допекла, и если из парижского кабинета ее удавалось выпроводить, то отсюда – никак. Чертова девчонка опять грузит его давними воспоминаниями, навязчивыми мыслями, голова просто пухнет – отлично ведь знает, наглое существо, где надавить, чтобы сделать побольнее. А в конечном счете выходит, что Эжени его наказывает, как только, на ее взгляд, он становится слишком полицейским.

Вооружившись ручкой, Шарко принялся читать документы. Девочка тем временем играла с ножом для разрезания бумаги, от нее постоянно исходили какие-нибудь звуки, звуки эти раздражали, но Шарко знал, что затыкать уши бессмысленно: Эжени шумит не снаружи, она внутри головы, так сказать, в черепушке, и не уберется оттуда, пока не захочет сама.

Конечно же, полицейский делал все, чтобы никто ничего не заметил. Ему необходимо выглядеть со стороны нормальным, здравомыслящим – только благодаря этому и удавалось сохранить за собой теплое местечко в нантеррском офисе...

Когда Эжени оставила его в покое, он смог наконец разобраться в своих записях. Судмедэксперты и токсикологи продвинулись довольно далеко: более подробный анализ костей, а главное – сканирование показали, что у четырех скелетов из пяти есть старые переломы (запястий, ребер, костей) с костной мозолью, которая свидетельствует о том, что все эти переломы случились менее двух лет назад, но до убийства. Значит, жертвы не просиживали штанов в кабинетах: кости они могли сломать, упав при выполнении какой-то работы, или занимаясь каким-то видом спорта типа регби, или в драке. Шарко раньше уже успел попросить, чтобы проверили по местным спортклубам, не ломал ли кто чего в то время, и по местным больницам – не лечил ли кто переломы. Сейчас собирают данные.

Волос на голове ни у одной из жертв не было, но лобковые при анализе рассказали довольно много. Трое из пяти, в том числе и азиат, употребляли кокаин и синтетический опиоид субутекс, заменитель героина. Исследование сегментов каждого из волосков показало, что эти трое сначала резко снизили употребление наркотиков, а потом – в последние недели перед смертью – и вовсе отказались от них. О том же говорили результаты анализа измельченных куколок насекомых, найденных на скелетах: там ничего не обнаружилось, а если бы эти парни и в последние часы своей жизни имели дело с дурью, следы ее можно было бы увидеть в кератине, сохранившемся в хитиновом покрове. Добравшись до этого места, Шарко записал в блокноте: проверить, кто в интересующее нас время выходил из наркологических центров и из тюрем (последнее – потому, что заключенные довольно часто употребляют именно субутекс). Возможно, эти убитые побывали за решеткой, возможно, они были наркодилерами или занимались перевозкой наркотиков. Принимать во внимание надо все, не упуская ни единой мелочи.

Последний пункт: кусочек зеленого пластика, найденный в районе ключицы того трупа, который сохранился лучше других. Тщательное исследование не показало наличия веществ, имеющих отношение к химиотерапии. Гипотеза патологоанатома не подтвердилась: в заключении было написано, что этот чехол мог с такой же вероятностью защищать переплетение тонких электродов, вживленных в мозг и идущих от мозга к нейростимулятору, который имплантируется подкожно именно в области ключицы. Такой метод лечения называется хронической стимуляцией глубинных структур головного мозга и используется для лечения тяжелых депрессий, паркинсонизма: руки и голова пациента при такой терапии дрожат куда меньше – и, наконец, неврозов навязчивых состояний. Вот это надо отметить особо, потому что убийца вроде бы сильно интересовался содержимым черепов своих жертв.

– Ну и что ты там пишешь?

Эжени вернулась. Шарко, гордо проигнорировав ее появление, попытался сосредоточиться и продолжать, но не тут-то было: девочка принялась лупить канцелярским ножом по столу. Удары становились все сильнее, сильнее, сильнее, и девчонка при этом приговаривала:

– Элоиза мертва, да, твоя жена мертва, да, Элоиза и твоя жена – они обе мертвы, да, и во всем виноват ты один, да...

Ну и гадючка!... Это ее любимая фраза, та, что ранит его в самое сердце. Шарко скрипнул зубами:

– Заткнись, черт побери!

Головы коллег повернулись к нему. Он вскочил, подбежал к что-то ксерившему бригадиру и сунул ему под нос свое служебное удостоверение:

– Шарко из Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности.

– Я знаю, комиссар. Вам что-то нужно?

– Мне нужно, чтобы вы купили для меня засахаренных каштанов и соус-коктейль. Только такой, который для салата с креветками, килограммовую банку. Можете это сделать прямо сейчас? Учтите, каштаны могут быть какие угодно, любой фирмы, но соус не к семге или к чему еще, а именно к креветкам, не забудьте: со-ус к кре-вет-кам!

У бригадира глаза полезли на лоб.

– То есть...

Парижский полицейский упер кулаки в бедра, расправил плечи... Прибавив несколько килограммов, он – и так крепкий от природы – стал выглядеть совсем уж внушительно.

– Вы что-то хотели спросить, бригадир?

Молодой бригадир не захотел больше ничего спрашивать, он просто исчез как не бывало. Шарко вернулся на место, Эжени ему улыбнулась:

– До скорого, Франк, дорогой!

– Ага, проваливай куда подальше! Сиди там тихо и не высовывайся.

Девочка побежала вприпрыжку и скрылась за пробковой доской с приклеенными бумажками. Шарко вдохнул, выдохнул, закрыл глаза. Наконец-то донимавшие его звуки исчезли, стало тихо: еле слышное гудение компьютеров и поскрипывание подметок коллег не в счет... Он вернулся к своим раздумьям, вернулся к папкам с бумагами, снова пролистал заключения и протоколы. Нет, больше отсюда ничего особенно интересного не выудишь. Анализы ДНК еще в работе, не закончена и реконструкция лиц, которая, скорее всего, ничего не даст... Словом, если подвести итоги, то на сегодняшний день известно только следующее: пятеро мужчин от двадцати двух до двадцати шести лет, один из которых – азиат, большей частью употреблявшие раньше наркотики, были ранены или убиты из огнестрельного оружия. Верхушки черепов спилены, глаза изъяты, руки отрублены, тела захоронены. Супер!..

М-да, само по себе расследование тоже не сказать чтобы сильно продвинулось. Особенно неприятно, что ничего не обнаружилось в списках пропавших без вести. Спрашивали, допустим, не числился ли в розыске за последние пятнадцать месяцев азиат такого-то роста, такого-то веса, такого-то возраста – впустую, нигде такой не числился. Хотя, в конце концов, это только наполовину провал: отсутствие сведений означает всего лишь, что эти люди могли быть маргиналами, нелегальными мигрантами, да просто иностранцами.

Попозже, чувствуя, что мозг совершенно расплавился и превратился в кашу, Шарко сходил освежиться к фонтану. Вот если бы посидеть на воздухе, на террасе какого-нибудь кафе... Бригадир принес из супермаркета ведерко розового соуса, засахаренные каштаны, и Эжени сразу оставила его в покое. Скоро он вернется в гостиницу, позвонит в Париж Леклерку, а через день-два, возможно, вообще наострит отсюда лыжи. Потому что чем больше проходит времени, тем меньше вероятность что-нибудь здесь обнаружить. Опрос в больницах не дал абсолютно ничего. Лейтенанты-оперативники, которые опрашивали окрестное население, вернулись с пустыми руками: из нескольких сот людей, работающих – и не так давно работавших – на предприятиях промышленной зоны, ни один ничего не видел и не слышал. Но с другой стороны, преступление такое давнее, что память этих людей вполне могла притупиться.

Как бы то ни было, все трупы пока еще анонимны.

Он последний раз полез в папки с документами, углубился в них и вдруг почувствовал, что кто-то опустил руку ему на плечо. Оглянулся. Это оказался Перес, разглядывавший ведро с соусом и пакет с засахаренными каштанами. Не отрывая взгляда от продуктов, Перес бросил:

– Получили информацию – есть хороший след. Пойдемте посмотрите.

Шарко поплелся за дивизионным комиссаром, вошел вслед за ним в кабинет, тот закрыл за парижанином дверь и указал пальцем на монитор компьютера, где можно было увидеть скан рукописного документа на английском.

Ага, это телеграмма.

– Ребята из Интерпола только что прислали, и не поверите, каким кружным путем эта телеграмма до нас добралась! Один их парень, его зовут Санчес, позвонил из какого-то кемпинга под Бордо, где проводит очередной отпуск. Представляете, отдыхает он себе, попивая спокойно аперитив у телевизора, и вдруг видит на экране вас – на том месте, где были обнаружены тела, у трубопровода...

– Меня? Меня показывали по телевизору? Черт возьми, просто на ходу подметки режут, ну и ребята!

– Так вот, значит, этот самый Санчес моментально позвонил на работу и спросил, какое дело вы сейчас расследуете.

– Я хорошо знаю Санчеса. У нас было несколько общих дел в конце девяностых, до того как он перебрался в Лион.

– Он в последнее время не особенно смотрел ящик, ничего не знал о шумихе, которую телевизионщики устроили вокруг этой истории, и вот – увидел вас! Ну а когда позвонил после этого, коллеги ему рассказали... о спиленных макушках черепов и так далее. У него в башке сразу вроде как звоночек прозвенел: было уже когда-то что-то такое, – и он попросил, чтобы ребята порылись в архивах... А теперь – догадайтесь, что они там нашли?

– Эту старую телеграмму...

– Вот-вот. Телеграмму, отправленную из Египта. Точнее, из Каира.

Шарко ткнул пальцем в монитор:

– Подтвердите, что мои глаза все еще видят ясно!

– Подтверждаю. Телеграмма датирована тысяча девятьсот девяносто четвертым годом. Три девушки, жительницы Каира, были тогда жесточайшим образом убиты. Верхушки их черепов убийца «спилил посредством медицинской пилы» (именно так там написано), мозг и глаза изъял. Тела были изуродованы, порезаны ножом с головы до ног, половые органы в том числе...

Шарко чувствовал, что им овладевает какой-то отвратительный хмель. Грудная клетка напряглась, стало трудно дышать. В нем снова проснулась ненасытная жажда погони за чудовищем. Перес между тем продолжал читать вслух телеграмму:

– «...все три преступления были совершены меньше чем за два дня». Причем трупы на этот раз не захоронили, тела были брошены на месте убийства. Крутой у нас преступник!

Парижский сыщик выпрямился, прикрыл глаза. Он представил себе лежащих на песке девушек с изрезанными телами. Внутренности – наружу, на съедение стервятникам. Все эти образы просто-таки распирали его голову. Он смотрел на монитор и ощущал, как прибывает адреналин.

– Когда действует серийный убийца, преступления обычно сближены во времени. Да и географически тоже. Между тем это было так давно, и Нормандия очень далека от Египта. Странствующий убийца? А что, Интерполу удалось обнаружить еще какие-то сходные случаи?

– Ни единого.

– Хотя, вообще-то, это ничего особенного не значит... Даже лет десять назад такая телеграмма была скорее редкостью: последнее, чем полицейские хотели бы заниматься, – это тратить время на возню с бумажками, да и то лишь тогда, когда им вообще была охота заморачиваться. Наш египетский коллега – полицейский-педант, почти парадоксальное сочетание.

Шарко помолчал. Глаза его все еще бегали по строчкам телеграммы, а мозг уже работал на всю катушку. Три девушки в Африке, пятеро мужчин во Франции. Порезы на теле, вскрытые черепа, изъятые глаза. С разницей в шестнадцать лет. Почему так отдалены друг от друга две серии убийств? А главное – есть ли между ними связь, и если есть, то какая? Аналитик вернулся к тексту пересланного Интерполом документа:

– Донесение в Интерпол направил некий Махмуд Абд эль-Ааль... Так зовут египетского полицейского, который замутил дело?

– Наверное, да.

– Этот документ – все, чем мы располагаем?

– Пока все. Сначала мы связались с египетским Интерполом, потом с каирской Службой международного технического сотрудничества полиции, откуда нас направили к комиссару при французском посольстве, Микаэлю Лебрёну, который, как нам сказали, напрямую связан с тамошними властями. Мы уже получили из Каира первую информацию, и она особенно не радует.

– Почему?

– Потому что этот самый Абд эль-Ааль, похоже, там больше не работает.

Шарко опять помолчал.

– Но кто-то ведь может обеспечить нам доступ к делу?

– Да. Главный инспектор по имени Хасан Нуреддин. Бригада – в его подчинении, и, по словам Лебрёна, он настоящий диктатор. Местные помалкивают – не любят, чтобы европейцы совали нос в их дела. Странно было бы, если б любили! В Египте ведь в средствах не стесняются: там не редкость пытки находящихся под следствием, аресты инакомыслящих... Ясно, что телефонные переговоры с ними ничего не дадут, но и прислать нам следственные материалы электронной или обычной почтой они тоже ни в какую не хотят.

Шарко вздохнул: Перес был прав. Полиция арабских стран, и особенно египетская, на миллион лет отстала от европейской. Там царит коррупция, там все до предела развращены деньгами и властью, и если уж кого ловят тамошние коллеги, то лишь тех, кто, по их мнению, может угрожать строю.

Перес щелкнул мышкой, отправил телеграмму на принтер.

– Я переговорил с вашим начальником, он не против того, чтобы вы смотались туда. До Каира лететь всего четыре часа. Если вы согласитесь, действовать будете через посольство: Микаэль Лебрён свяжет вас с каирской полицией, познакомит с Хасаном Нуредином.

Откуда ни возьмись в кабинете появилась разгневанная Эжени и принялась дергать Шарко за рубашку. Он посмотрел на девочку.

– Пошли отсюда, давай, давай! – бормотала она. – Даже речи быть не может о том, чтобы мы отправились в эту ужасную страну! Я боюсь жары и песка. И я боюсь самолетов. Не хочу!

– ...миссар! Комиссар, вы меня слышите?

Шарко повернулся к Пересу. Потер подбородок. Египет... К такому он не был готов – никак не ожидал.

– А вам не кажется, что все это пахнет дурным Джеймсом Бондом?

– У нас нет выбора, комиссар. Мы работаем с вещдоками, наше дело – рыться в земле, а ваше...

– ...в бумажках, да, понимаю.

Парижанин со вздохом взял из лотка принтера распечатку телеграммы. Несколько строчек, посланных на авось, вдруг повезет, несколько строчек, на долгие годы затерявшихся между двумя континентами, несколько строчек – вот и все дело, как хочешь, так и распутывай. Он подумал о стране, которую знал лишь по картинкам тех времен, когда он еще листал каталоги в турагентствах. Нил, великие пирамиды, нестерпимый зной, пальмовые рощи... Туристический конвейер. Сюзанне всегда хотелось в Египет, но он отказывался ехать, ссылаясь на то, что много работы. А сегодня эта самая работа, будь она трижды неладна, гонит его именно туда, в проклятые пески Африки.

Он задумчиво рассматривал Эжени, которая уселась в кресло начальника территориального управления и играла с резинками, стараясь хлопнуть ими Переса по заднице.

– Не пойму, что вас вдруг так развеселило, – удивился дивизионный комиссар.

Шарко поднял голову:

– Думаю, вылетать в Каир надо как можно скорее?

– Самое позднее – завтра. Служебный паспорт у вас с собой?

– Конечно. И мне положено по должности способствовать ускорению международных расследований. Даже если этого никогда не случается.

– Вот вам и доказательство, что случается. Только помните: в Египте вы будете связаны по рукам и ногам. Посольство приставит к вам переводчика, который ни на минуту вас не оставит, и вам не удастся сделать ничего, что может оказаться неуютно местным властям. Вы будете вынуждены передвигаться как по минному полю – с тысячей предосторожностей. Ладно, будем держать друг друга в курсе.

– Я имею право на ношение оружия?

– В Египте? Смеетесь, что ли?

Они обменялись рукопожатиями, и Шарко хотел было выйти, так и оставив девочку в кресле Переса, но тот снова его окликнул:

– Комиссар Шарко!

– Да?

– В следующий раз хорошенько подумайте, прежде чем посылать моих бригадиров за покупками!

Выйдя из здания региональной полиции, Франк направился к гостинице. Под мышкой – бумаги, в одном пакете – ведерко с розовым соусом, в другом – коробка с засахаренными каштанами. Вперед, в дорогу, к делу, со всей очевидностью в высшей степени опасному.

И будь готов, дорогой, погрузиться в дебри жаркого, пропахшего специями города.

Мифического города Аль-Кахиры.

Просто – Каира.

12

Проглотив у постели Жюльетты дрянной обед – кусок мяса без всякого соуса и отварную картошку, Люси пошла домой. Она снимала небольшую квартиру в студенческом квартале. По обеим сторонам зеленого бульвара – дома в неоготическом стиле, в том числе и сам католический университет, извергавший из себя после окончания занятий на улицы города несколько тысяч человек. И Люси, рядом с этой молодежью, рядом с дочками, которые так быстро росли, ощущала себя с каждым днем старше.

Она отперла входную дверь, вошла и сразу же отправилась в ванную: скорее, скорее затолкать все грязное – целый мешок! – в машину, скорее, скорее включить ее, это же единственный способ избавиться от жутких больничных запахов! Потом, стоя под теплым душем, она подставила под сильную струю сначала затылок – пусть хлещет, потом грудь – пусть поклевывает... Эти два дня вне дома, два дня, когда нормальную еду заменяли в основном жидкие каши, когда умыться можно было только кое-как и наспех, а спать приходилось сложившись вдвое, лишний раз доказали, как она любит обычную свою жизнь. Как она любит жизнь со своими девочками, со своими привычками, с фильмами, которые можно смотреть по вечерам, сунув ноги в мягкие тапочки-зайчики, подаренные ей близняшками – и мамой – ко дню рождения. Стоит отнять у тебя самые простые вещи, сразу отдаешь себе отчет в том, что, в конце концов, не такая уж все это ерунда.

Обсохнув, она надела синюю шелковую тунику, легкую и свободную, не стеснявшую движений, натянула узкие брючки длиной до середины икры. Ей нравились контуры собственных икр, крепких и загорелых – загар она нагуляла, бегая два раза в неделю вокруг крепости. Когда близняшки пошли в школу, где можно поесть в столовой, ей удалось восстановить нужную пропорцию между работой, отдыхом и семьей. Люси снова стала женщиной – так мать говорит...

Она включила компьютер, зашла на сайт знакомств. Неудача с Людовиком не сказалась на ее привычке бывать здесь, немыслимо же отказаться от этой формы отношений: виртуальных, ни к чему не обязывающих, а главное – единственных, какие тебе преподносят готовыми, на блюде с голубой каемочкой. Это хуже наркотика, но в первую очередь это позволяет экономить время: она, как, впрочем, и любой, всегда старалась выиграть хотя бы минутку.

На аккаунте скопилось семь новых предложений. Изучив их, она сразу же выкинула пятерых, а двоих: брюнетов сорока трех и сорока четырех лет – оставила для дальнейшего рассмотрения. Уверенность в себе, которую излучали сорокалетние самцы, была для нее одной из основных приманок – как свидетельство внутренней силы и надежности, как гарантия того, что этот мужчина не бросит тебя ради первой попавшейся свистушки.

Люси вышла на площадку, ощущая затылком легкий холодок, сунула в замочную скважину ключ, попыталась запереть квартиру. И почувствовала, что, когда она пробует закрыть дверь на двойной оборот, ключ в замке будто обо что-то трется, будто за что-то цепляется. Она наклонилась, внимательно изучила и ключ, и замочную скважину, снова вставила ключ и снова попыталась запереть дверь. Ага... Запереть-то на этот раз удалось, но – преодолевая сопротивление, что странно. Раздосадованная, она отперла дверь и вернулась в квартиру. Осмотрела гостиную, прошла по другим комнатам. Проверила шкафы, где хранились диски с фильмами и книжки. На первый взгляд все в порядке, все как было, так и есть... Разумеется, ей сразу вспомнился призрак из дома Людовика. Почему бы этому призраку, сделав обыск там и запомнив номер ее машины, не приехать потом к ней? Впрочем, любой другой на ее месте решил бы, что замок уже старый и пора его смазать... Люси улыбнулась, пожалала плечами и вышла наконец на улицу. Хватит уже психовать из-за ерунды! И все-таки, отчалив, она еще долго

смотрела в зеркало заднего вида и радовалась тому, что этот странный фильм у Клода Пуанье, стало быть в безопасности.

Поездку по тряским бельгийским дорогам до Льежа в стареньком автомобиле без кондиционера вполне можно было назвать подвигом, тем не менее она добралась без остановок и сразу нашла нужный дом. Дверь ей открыл Люк Шпильман, нижняя губа которого оказалась украшена совершенно омерзительным пирсингом...

– Это вы мне звонили?

Люси кивнула и показала служебную карточку со своей фотографией и полоской цветов французского флага наискось. Цель визита она объяснила еще по телефону, сославшись на часть правды: один из фильмов, купленных у Шпильмана Людовиком Сенешалем, заинтересовал полицию, поскольку содержит сцены насилия.

– Да, это я звонила. Можно войти?

Люк торчал в дверях и пялился на нее свинячьими глазками. Волосы у него на голове стояли дыбом, можно было подумать, перед ней Билл Каулиц из группы «Токийский отель».

– Ладно, пойдемте, только не говорите, что мой отец имел отношение к каким-то темным делишкам.

– Нет-нет, не беспокойтесь.

Они спустились по ступенькам в просторную комнату с верхним светом. Сквозь стекло в крыше было видно ясное синее небо, и Люси почудилось, что она попала в гигантский виварий. Люк Шпильман откупорил для себя бутылку пива, гостя попросила стакан воды. Кто-то в доме играл на каком-то музыкальном инструменте, нотки – легкие, чарующие – словно бы танцевали в воздухе.

– Это кларнет. Моя подружка играет.

Удивительно! Люси скорее представила бы себе его с девушкой, осваивающей электрогитару или даже ударные. Она решила не тянуть резину и перешла прямо к делу:

– Вы жили с отцом?

– Временами – да. Мы почти не разговаривали друг с другом, но у него никогда не хватало духу выставить меня за дверь. Вот я и мотался между этим домом и квартирой подружки. А теперь, когда его уже нет, думаю, сделал окончательный выбор.

Люк оторвался от своего семиградусного «Шиме Руж» и поставил наполовину опустошенную бутылку на стеклянный столик рядом с пепельницей, где лежали окурки косячков. Люси пыталась разобраться, что он за человек, этот дурачок: мальчишка явно строптив, упрям, скорее всего, избалован с детства. Похоже, недавняя кончина отца не слишком его опечалила.

– Расскажите мне об обстоятельствах смерти вашего отца.

– Так я ведь уже все рассказал полиции, и что тогда...

– Пожалуйста!

Он вздохнул:

– Я в это время был в гараже: когда старик продал машину, туда отправили все музыкальные инструменты. Ну и сочиняли мы тогда с подружкой и приятелем втроем одну композицию... А примерно в полдевятого вечера... может быть, в двадцать пять минут девятого... я услышал в доме какой-то грохот. Сперва побежал сюда, потому что в это время показывают новости, а мой отец во время новостей никогда бы на шаг не сдвинулся от телевизора. Да, точно, сначала я, значит, прибежал сюда, а когда в кресле его не оказалось, поднялся на второй этаж и увидел, что открыта дверь на третий, то есть на чердак. Мне это показалось очень странным.

– Почему?

– Потому что моему отцу было уже за восемьдесят. Двигался-то он еще неплохо, даже выбирался иногда побродить по городу или ходил в библиотеку, но наверх никогда не подни-

мался – слишком крутая у нас тут лестница. Если ему надо было принести с чердака какой-нибудь фильм, он всегда просил об этом меня.

Люси поняла, что напала на след. Что-то случившееся внезапно и совершенно неподвижное заставило старика Шпильмана изменить обыкновению и подняться на чердак самому, не прибегая к помощи сына.

– А дальше, уже на чердаке, что было?

– Там я и обнаружил его тело – у подножия стремянки.

Люк уставился в пол, зрачки его были расширены. Но доля секунды – и он взял себя в руки.

– Из головы у него текла кровь, он был мертв. Мне было так странно видеть его неподвижным, застывшим с открытыми глазами. И я сразу же вызвал «скорую помощь».

Парень твердой рукой, не давая чувствам вырваться наружу, взял со столика бутылку с остатками пива. Вполне может быть, что Люк, поздний ребенок, видел в своем родителе всего лишь неуклюжего старца, неспособного поиграть с ним в футбол... Люси показала на портрет пожилого мужчины с суровым взглядом черных глаз. Да и сам он был, казалось, весь такой суровый, такой прочный – прямо как Великая Китайская стена.

– Это он?

Шпильман-младший кивнул, сжимая двумя руками бутылку:

– Ну да, папаша в полном расцвете сил. Когда был написан этот портрет, я еще и на свет не родился. А представляете, ему тогда уже пятьдесят стукнуло!

– Чем он занимался?

– Работал хранителем в ФИАФ, Международной федерации киноархивов, и постоянно рылся там в архивных материалах. Видите ли, цель ФИАФ – сохранить кино разных стран, а мой отец увлекался кино всю свою жизнь. Кино – вместе с историей и геополитикой ста последних лет – было главной его страстью. Любые войны, включая холодную, любые конфликты, шпионаж, разведка и контрразведка... Он на всем этом не одну собаку съел... – Люк поднял глаза. – Вы сказали по телефону, что есть какие-то проблемы с одним из фильмов с чердака?

– Есть. Думаю, именно за ним ваш отец в тот вечер и поднимался туда. За короткометражкой пятьдесят пятого года, которая начинается с того, что женщине разрезают глаз. Вам это о чем-нибудь говорит?

Шпильман-младший помолчал, подумал.

– Нет. Ровно ни о чем. Я же никогда не смотрел картин из отцовской коллекции, на фиг мне это старье, тем более про шпионов. Зато сам отец смотрел их постоянно, даже специальный зал для этого оборудовал. Он был просто помешан на кино, настоящий фанат, мог смотреть один и тот же фильм двадцать-тридцать раз! – Люк нервно хихикнул. – Мой папаша... знаете, мне кажется, он немало бобин утащил из этой своей ФИАФ...

– Утащил?

– Ну да, спер, попросту говоря. Что тут поделаешь, обратная сторона страсти к коллекционированию, он никогда не мог удержаться. Коллекционер же, если хотите, сродни клептоману: будто какой бес в нем сидит и заставляет воровать. Мне известно, что он был в контакте с коллегами, которые тоже таскали бобины, если могли, и их было не так уж мало. Вообще-то, фильмы из хранилища выносить не полагается, но папаша не хотел, чтобы они лежали мертвым грузом в огромных бездушных залах, он... он, понимаете, любил свои бобины, он даже гладил их, как другие гладят кошку... бывают такие люди.

Люси выслушала монолог, потом рассказала Люку о девочке на качелях, об эпизоде с быком... Нет, отвечал Люк, ничего подобного он никогда не видел, и похоже, отвечал он честно, искренне. Вопросы-ответы были исчерпаны, и Люси попросила хозяина дома проводить ее на чердак.

Ступив на первую же ступеньку ушедшей почти вертикально вверх лестницы, Люси поняла, почему старик никогда не поднимался сюда. На чердаке Люк первым делом подошел к стремянке на роликах и откатил ее в противоположный угол:

– Вот здесь – да, точно здесь – она стояла, когда я обнаружил тело.

Люси внимательно осматривала чердак – тайное убежище увлеченного человека.

– А почему ее передвинули?

– Да сюда же столько народу уже приходило и еще придет! Со вчерашнего утра отцовские фильмы прямо-таки нарасхват.

Люси вдруг почувствовала, просто физически почувствовала, как в мозгу щелкнуло: вот первый раз и сходится что-то с чем-то, отлично.

– То есть все, кто приходит, уносят с собой фильмы?

– Ну-у... нет, не все.

– А конкретнее?

– Сразу после вашего приятеля приходил один мужик, такой... странный...

Он говорил теперь, делая паузы между словами, вяло, – похоже, пиво подействовало.

– С этого места подробнее.

– У него очень короткая стрижка – светлый такой ежик. Он молодой, точно меньше тридцати. Здоровенный качок в рейнджерах или башмаках такого же типа. Обшарил весь чердак, можно было подумать, ищет какую-то определенную бобину. И в конце концов ничего не взял, только спросил, приходил ли кто до него, и если приходил, то купил ли что-нибудь. Ну я ему и выложил все про вашего Людовика Сенешаля, а когда сказал, что тот выбрал короткометражку без этикетки, качок ответил, что хотел бы переговорить с этим Сенешалем. Тогда я дал ему адрес.

– Откуда у вас адрес Людовика?

– Откуда! Был же адрес на чеке в четыре сотни евро, который он мне оставил!

Ага, значит, нюх ее не подвел: здесь все и началось. Таинственный качок, как и ее бывший, прочел в газете объявление и рванул сюда, но не успел, потому что Людовик, который живет ближе к границе, его обогнал. Но означает ли это, что незнакомец давным-давно обходил барахолки и следил за объявлениями в тайной надежде завладеть этим пропавшим фильмом?

Люси продолжала расспрашивать Шпильмана. Выяснилось, что белобрысый качок приезжал на обычной машине, вроде бы черном «фиате», и что номерной знак у него вроде бы французский, только бельгиец ни циферки не запомнил.

Они вернулись в гостиную. Люси обратила внимание на вделанный в стену огромный плоский экран. Люк раньше упоминал о том, что отец незадолго до смерти смотрел новости.

– Что же могло заставить вашего отца вскочить и поспешить на чердак? Вот так, внезапно. Есть какие-то соображения?

– Нет.

– А какой он обычно смотрел канал?

– Ваш, главный французский, «ТФ-1». Это у него был любимый.

Люси пометила: посмотреть на всякий случай, что было в новостях в день смерти старика-коллекционера.

– Кто-то приходил в дом перед тем, как ваш отец поднялся на чердак? Утром или днем?

– Насколько я знаю, нет.

Она быстро огляделась: непохоже, чтобы сюда был проведен телефон.

– У вашего отца был мобильный?

Люк Шпильман кивнул. Люси, стараясь казаться беззаботной и непринужденной, налила себе стакан воды из графина, но внутри у нее все кипело.

– А когда месье Шпильман умер, телефон был при нем?

Парень, кажется, начал что-то соображать.

– Нет, мобильник лежал тут. – Он показал пальцем на низкий столик. – Я только сегодня утром взял его отсюда и переложил на полку. Полицейские им даже и не поинтересовались, а вы думаете, что...

– Покажите мне телефон?

Люк сходил за мобильником. Тот, естественно, оказался полностью разряженным. Шпильман-младший подсоединил зарядник, воткнул вилку в розетку, протянул телефон гостю. Так, аппарат в хреновом состоянии, но посмотреть входящие-исходящие с числом и временем можно. Сначала она поглядела, кто звонил Шпильману. Последний звонок был датирован пятницей, то есть ему звонили за день до смерти. Да, в пятницу после обеда. И звонила некая Дельфина де Оос. Люк объяснил, что это медсестра, которая время от времени приходила взять у отца кровь на анализ. Другие звонили достаточно давно, и парень сказал, что ничего в этих абонентах нет особенного: несколько старых друзей, коллеги по ФИАФ, с которыми отец иногда пропускать по стаканчику...

Люси перешла к исходящим. Сердце у нее екнуло.

– Стоп-стоп...

Последний раз старик Шпильман звонил кому-то в тот самый понедельник в 20 часов 08 минут. То есть минут за пятнадцать-двадцать до того, как свалился со стремянки. И тут есть кое-что куда более интересное, чем дата: номер телефона того, кому он звонил. По меньшей мере странный номер: +1 514 689 87 24.

Люси показала дисплей Люку:

– Ваш отец за несколько минут до смерти звонил за границу. Вам знаком этот номер? Или хотя бы код города?

– Может, это Соединенные Штаты? Ему иногда приходилось туда звонить, когда он занимался историческими исследованиями.

– Нет, не думаю, что это Штаты.

Люси достала из сумки собственный мобильник и, повинаясь интуиции, набрала номер. Конечно, голову на отсечение она не даст, но...

Голос в трубке оборвал ее размышления. Справочная.

– Будьте любезны, скажите, в какой стране может быть такой номер телефона: +1 514 689 87 24? – сказала Люси.

– Подождите минутку, пожалуйста.

Тишина. Зажав мобильник между плечом и ухом, Люси попросила Шпильмана-младшего дать ей листок бумаги и ручку. Быстро записала номер. И сразу же услышала:

– Мадам, вы слушаете? Телефонный код 514 принадлежит провинции Квебек. Точнее – это город Монреаль.

Люси нажала на красную кнопку. Она внимательно смотрела на Люка, а на языке у нее уже вертелось слово:

– Канада...

– Канада? Но зачем ему было звонить в Канаду? Мы же ни с кем там не знакомы!

Люси нужно было время, чтобы освоиться с информацией. По какой-то неизвестной пока причине Влад Шпильман вдруг позвонил человеку, который живет в стране, где сделан фильм. Она просмотрела все исходящие за неделю до звонка. Этот номер больше в списке ни разу не фигурировал.

– Скажите, а ваш отец делал какие-то записи, связанные со своими фильмами? Со своими контактами? Может быть, остались блокноты, карточки?

– Нет-нет, ничего такого я не замечал. В последние годы отцу хватало нескольких квадратных метров. Вся его жизнь проходила между этой гостиной, кинозалом и кабинетом.

– Могу я глянуть на его кабинет?

Люк поколебался. Потом прикончил пиво и сказал:

– Ладно, покажу. Только уж тогда объясните, в чем дело. Это мой отец, и я имею право знать.

Люси согласилась. Люк провел ее в чисто убранную комнату с компьютером, книжными шкафами, журналами, газетами... Она бегло просмотрела бумаги на письменном столе, выдвинула ящики. Ничего интересного, просто не за что зацепиться – оргтехника как оргтехника, обычный компьютер... А библиотека? Много исторических книг, книг о войне, о массовых убийствах, о геноциде – армянском, еврейском, руандийском. Целый раздел отдан истории шпионажа: ЦРУ, МИ-5, теория заговора... Названия книг на английском ни о чем, в общем-то, Люси не говорили – «Bluebird», «МК-ULTRA», «Artichoke»...⁶ Кажется, Влада Шпильмана больше всего на свете интересовала темная сторона жизни мира за последнее столетие. Люси повернулась к Люку, показала ему на книги:

– Как вы думаете, отец мог скрывать от вас что-то серьезное, была у него какая-то тайна?

Молодой человек пожал плечами:

– По моему разумению, папаша был параноиком, ну и не в его стиле было обсуждать со мной такие дела. Это был его личный «тайный сад».

Люси еще немножко побродила по комнате, потом, когда Люк проводил ее к выходу, поблагодарила его у дверей и дала на прощание служебную визитку, на обратной стороне которой нацарапала свой мобильный – мало ли что... Уже в машине, где никто не мог помешать, она достала телефон и набрала тот самый канадский номер. Четыре выматывающих нервы гудка, потом трубку наконец-то взяли. Но дальше – ни «Алло!», ни хоть какого-нибудь звука. Люси решила сделать первый шаг сама:

– Алло!

Ответом стало долгое молчание. Люси повторила:

– Алло! Кто у телефона?

– А вы кто?

Мужской голос, заметный квебекский акцент.

– Люси Энебель. Я звоню из...

Щелчок. Монреаль отсоединился. Люси подумала, что ее собеседник – человек нервный, подозрительный, всегда настороже. Обдумывая, по какой причине диалог получился столь кратким, она выскочила из машины, вернулась к дому Шпильмана и принялась стучать в дверь.

– Опять вы? – удивился молодой хозяин.

– Мне нужен мобильник вашего отца.

⁶ «Блюбёрд» (синешейка), «МК-Ультра», «Артишок» (англ.).

13

Надо усовершенствовать стратегию, надо заставить его врасплох, удивить, не дать отсоединиться.

Люси терпела добрых четверть часа, потом стала нажимать на кнопки успевшего чуть-чуть зарядиться мобильного Влада Шпильмана. Если ей повезет, канадец узнает номер и не швырнет трубку. Во всяком случае – сразу не швырнет.

Нервничая, она ходила туда-сюда перед домом коллекционера. Пусть даже Шпильман-младший понял ее и оказался сговорчивым, все равно не хочется, чтобы он услышал этот разговор. Если, конечно, разговор состоится...

Трубку взяли, не дослушав третьего звонка.

– Влад? – спросил тот самый голос с квебекским акцентом.

– Влад нет в живых. Это Люси Энебель, лейтенант судебной полиции. Французской судебной полиции.

Момент был решающий, и она выпалила все на одном дыхании. Ответа не последовало, последовало долгое молчание с той стороны, но трубку не повесили!

– Как он умер?

Люси сжала свободную руку в кулак: рыбка на крючке! Теперь надо тихонечко вытягивать леску, главное – никаких резких движений, никакой внезапности.

– Сейчас скажу. Только сначала представьтесь, пожалуйста.

– Как он умер?

– Дурацкий несчастный случай: свалился со стремянки и ударился головой.

Снова долгое молчание. У Люси на языке вертелась тысяча вопросов, но она боялась неосторожным словом оборвать едва завязавшийся разговор. И собеседник нарушил тишину первым:

– Зачем вы мне звоните?

Люси решила играть в открытую: она чувствовала, что канадец сильно встревожен и тут же просечет любое вранье.

– Поговорив с вами в понедельник вечером, Влад Шпильман тут же поднялся на чердак, чтобы взять там со стеллажа бобину с пленкой. На пленке был анонимный фильм пятьдесят пятого года, снятый в Канаде, теперь бобина с этой короткометражкой у меня. Вот я и хочу выяснить, почему он полез на чердак сразу после вашего разговора.

Совершенно очевидно, Люси его зацепила. Она слышала, что с каждой секундой собеседнику становится труднее дышать.

– Вы лжете, вы не из полиции.

– Позвоните моему начальству в судебную полицию Лилля и скажите, что вы...

– Нет, давайте-ка вы расскажите мне об этом деле.

Шестеренки в голове Люси закрутились с бешеной скоростью: о каком еще «этом» деле?

– Простите, я...

– Вы не из полиции.

– Говорю же вам – из полиции! Черт побери, я лейтенант Лилльской судебной полиции, можете проверить!

– В таком случае расскажите о пяти трупах, найденных вблизи промышленной зоны. На какой стадии расследование? Как оно осуществляется? Мне нужны все подробности.

Люси сообразила, что речь идет о пяти мертвых телах из трубопровода. Ага, вот, значит, из-за чего Влад Шпильман бросился звонить в Канаду! Они говорили тогда о сюжете из теле новостей.

– Сожалею, но мне подробности неизвестны. Мы распределены по регионам, и мой регион – северный, поэтому делом занимаемся не мы, а руанские коллеги. Вам надо связаться с...

– К чертям советы. Сами свяжитесь с людьми, которые ведут это дело, и, если вы действительно работаете в полиции, они снабдят вас информацией. А на случай, если вы захотите узнать, кто я, сообщаю: номер моего мобильного зарегистрирован на чужое имя и чужой адрес. И единственное, к чему вы меня вынудите таким образом, – поменять его.

Чувствовалось, что канадец собирается повесить трубку. Люси, пытаясь удержать его, пошла ва-банк:

– Какое отношение фильм имеет к этому делу?

– Вам самой это известно. До сви...

– Погодите! Как мне связаться с вами?

– Номер, с которого вы звонили в прошлый раз, остался в памяти моего телефона, я сам с вами свяжусь... – он помолчал, – в восемь вечера по вашему времени. Добудьте к этому часу информацию, иначе вам больше никогда ни меня, ни обо мне не услышать.

Отбой. Короткие гудки. Люси застыла перед домом Шпильманов с разинутым ртом, не понимая, что делать дальше. Что уж говорить, это был самый насыщенный и самый загадочный телефонный разговор за всю ее жизнь.

Поблагодарив Люка, она вернула ему телефон отца, забралась в свою машину и глубоко задумалась. Она думала о голосе, отделенном от нее шестью тысячами километров или даже больше. Ясно, что обладатель этого голоса дико боится, что его опознают, раз, покупая симку, прячется за чужим именем и остерегается любой формы контакта. Почему он скрывается? От кого? Как он познакомился с Владом Шпильманом? А самое главное, надо выяснить, что за невидимая связь существует между анонимной короткометражкой и пятью трупами, обнаруженными в Верхней Нормандии.

Эта злосчастная бобина может оказаться тем самым деревом, за которым не видно леса.

Однако задело же ее за живое!.. Люси понимала, что отныне выбора нет, совесть не даст покоя, не позволит выпустить наживку, бросить все это, даже не начав. Вот всегда так, в любом деле: резкий старт – и уже не отступишь. Именно это упорство, точно та же страсть сделали ее лейтенантом полиции. А иногда из-за них переступаешь границы.

Счет пошел на минуты. До восьми часов вечера ей необходимо найти в Париже того, кто даст ей требуемую информацию.

14

В квартире шизофреника обычно царит беспорядок, отражающий беспорядок внутри владельца квартиры. Надлом в сознании шизофреников зачастую настолько явно проявляется в окружающем их хаосе, что многие из них приходят в конце концов к решению нанять домработницу. И наоборот: жилище человека, который анализирует поведение других людей, должно отличаться известной строгостью, оно – как зеркало прямолинейности ума, привыкшего раскладывать информацию по полочкам, будто это обувь в отведенном ей шкафу. Ну а квартира Шарко была образцом смешения двух этих «стилей». Грязные кофейные чашки переполняли кухонную мойку, неглаженные костюмы и галстуки лежали горой в углу ванной, зато при виде чистеньких комнат можно было подумать, что здесь проживает мирное патриархальное семейство. Много фотографий в рамках, горшки с цветами, в детской – мягкие игрушки, желтые обои, поверху – фриз с резвящимися дельфинами...

На полу детской – рельсы великолепной модели железной дороги. По рельсам идут старинные поезда с паровозами, а по обочинам – чего только нет: и домики, и деревья, и фабричные здания, и виноградники, и реки, и горы... Первое, что сделал Шарко, вернувшись два часа назад из Руана, – снова вдохнул жизнь в миниатюрный мир, потребовавший от него когда-то сотен... нет, тысяч часов на раскрашивание, склеивание, монтаж. Паровозики, весело посвистывая и время от времени выпуская из труб струйки ароматного дыма (с добавкой когда-то накопанных им в резервуары духов жены, его Сюзанны), побежали по рельсам. Эжени – не роняя своего достоинства – сидела посреди всего этого великолепия, вот она улыбнулась – и полицейский обрадовался тому, что она рядом.

Когда девочка решила уйти, Шарко поднялся и снял со шкафа пыльный чемодан. Стоило откинуть крышку – по комнате разлились запахи прошлого, такие печально-ностальгические, что сердце Франка болезненно сжалось.

Лететь в Каир надо завтра утром из Орли «Египетскими авиалиниями». И – черт бы их побрал! – экономклассом. Было договорено, что прикрепленный к французскому посольству полицейский комиссар встретит его в аэропорту. Шарко зашел в Сеть, посмотрел, какая погода в Каире: небесный жар сжигает страну, настоящая баня, нет, такое делам не поспособствует... Он положил в чемодан легкие однотонные тенниски, одни плавки, другие – вдруг понадобятся, две пары фланелевых брюк и бермуды. Не были забыты ни магнитофон, ни соус-коктейль и засахаренные каштаны, ни игрушечный паровозик с прицепленной к нему черной вагонеткой для дров и угля.

Телефон зазвонил в ту минуту, когда он захлопнул чемодан, заполненный только наполовину (надо же было оставить место для подарков). Это Леклерк. Шарко, улыбнувшись, нажал на кнопку «ответить».

– Пару блоков египетских сигарет, бутылку египетского виски, названия которого даже и не припомню, аромакурильницу для Кати... ну и что еще ты попросишь привезти? Картонную пирамиду?

– У тебя есть еще время подъехать на Северный вокзал?

Комиссар посмотрел на часы. Половина седьмого. Обычно в семь он ужинает, почитывая газетку или разгадывая кроссворд, и не в его правилах отказываться от своих привычек. Нет, не так – терпеть он этого не может!

– Смотря зачем.

– Одна коллега из Лилльской судебной полиции хотела бы с тобой встретиться. Она уже едет сюда на скоростном поезде.

– Шутишь, что ли?

– По первому впечатлению это связано с нашим делом.

Пауза.

– И какого же рода эта связь?

– Странная и неожиданная. Девушка позвонила мне по прямой линии и попросила о встрече с тобой. Так что съезди-ка все-таки и глянь, шутка это или всерьез. Одно вас с этой девицей точно роднит: вы оба в отпуске.

– Нашел о чем говорить, ничего себе отпуск!

– Ее поезд приходит в девятнадцать тридцать одну. Она блондинка, ей тридцать семь лет, на ней синяя туника и короткие узкие бежевые брючки. Впрочем, она сама тебя узнает – видела по ящику, ты ж у нас теперь почти кинозвезда!

Шарко потер пальцами виски:

– Прекрасно бы без этого обошелся. Что еще о ней расскажешь?

– Остальное я тебе переслал мейлом, получи, распечатай и собирайся в путь.

Пока перед ним на мониторе были только электронные авиабилеты.

– Есть, начальник, слушаюсь, начальник! Скажи, а сам-то ты тоже считаешь, что мне в Каире хватит двух неполных дней? Не маловато, а?

– Местные власти не хотят, чтобы ты оставался там на более долгий срок, а мы обязаны играть по правилам.

– Но какого черта ты посылаешь в Египет именно меня! Знаешь же, что в играх по правилам я не силен. И потом, вдруг... вдруг я сорвусь? Ты же помнишь... ну... зеленое пятно в моем мозгу?

– Именно тогда, когда в твоём мозгу появляется это зеленое пятно, ты лучше всего воображаешь. Точно. Болезнь делает с твоей башкой нечто такое... я бы сказал, она начинает варить с удвоенной силой, и ты ловишь на лету вещи, которых никто другой даже и не заметил бы.

– Сказал бы ты лучше вот это все нашему с тобой общему шефу! Может, он проникся бы ко мне большим уважением.

– Чем меньше мы ему скажем, тем лучше для нас. Да! На самом деле это называется «AuldStag»...

– Что «это»?

– Что-что! Египетский виски. Запиши, черт возьми, если не способен запомнить. А Кате купишь самую дорогую курительницу для благовоний, какую только найдешь: хочу сделать ей подарок получше.

– Как она, кстати? Давненько не виделись... Надеюсь, она не очень на меня сердится и...

– И не забудь крем от moskitov, иначе загрызут.

Леклерк повесил трубку так, будто хотел прервать ставший ему неинтересным разговор.

Четверть часа спустя Шарко был уже в скоростном метро на станции «Бур-ла-Рен», где, устроившись на ближайшем свободном сиденье, погрузился в чтение распечатанных на принтере листков: короткой справки, присланной ему начальником. Люси Энебель, не замужем, две дочери, отец умер от рака легких, когда ей было десять лет, мать – домохозяйка. В начале двухтысячных – бригадир в Дюнкерке. Отвечала там за всякую писанину, тем не менее была подключена к зловещему делу под названием «Комната мертвых»⁷, которое поставило тогда на уши весь северный регион. Шарко прекрасно знал, какой долгий путь надо было в те годы проделать бригадиру, чтобы стать офицером судебной полиции, и не очень понимал, как обычная конторская служащая ухитрилась вырасти в руководителя подобной облавы на шайку, как тогда говорили, психопатов и ритуальных убийц. Какие внутренние силы тянули эту мать семейства *на другую сторону*?

Так... Потом ее перевели в Лилль, где она стала лейтенантом судебной полиции в местном управлении. Отличная карьера! Можно подумать, девушка просто-таки рвалась в боль-

⁷ См.: Тилье Ф. Комната мертвых. М.: Иностранка, 2011.

шой город, где, соответственно, больше шансов натолкнуться на худшее. Что ж, пока безупречный послужной список... По словам непосредственного руководства, Энебель настойчива и педантична, но при этом «чем дальше, тем сильнее» проявляет склонность съезжать куда-то не туда. Лезет в любое пекло, не дождавшись подкрепления, постоянно ругается с начальством и имеет досадную привычку браться только за дела о жестоких преступлениях, предпочтительно – убийствах. Еще Кашмарек, начальник управления полиции, где она служит, пишет об этой Энебель, что она «энциклопедически образованна, быстро входит в суть дела, проявляет себя в нем тонким психологом, но не всегда способна себя контролировать». Интересное досье! Шарко пошел дальше. Ему казалось, что он читает собственную историю. В 2006-м, пишут, она вроде бы пострадала. Долгая и ожесточенная охота за преступниками в бретонской глуши закончилась для нее тремя неделями отпуска по болезни. Официальный диагноз – «переутомление», но полицейские в своей среде называют это состояние «депрессухой».

Депрессия... Молодая женщина – во всяком случае, на бумаге – выглядела скорее крепкой и надежной, откуда же тогда это внезапное сошествие в ад? Депрессия на тебя наваливается, когда ты расследуешь дело, задевающее тебя за живое, когда беда другого человека становится вдруг твоей собственной. Но что же в том деле могло оказаться для нее таким личным?

Шарко оторвал глаза от странички, привычно потер подбородок. Этой Энебель было тогда чуть за тридцать, но тьма уже влекла девушку до такой степени, что стала управлять ее жизнью. А сколько было ему самому, когда он начал съезжать с катушек? Может, и гораздо раньше, чем она. И вот к чему это привело. Кто угодно, любой наблюдательный человек, мигом поняв его положение, оценил бы ситуацию так: этот тип накачан лекарствами, он стареет в одиночестве, стареет с печатью разбитой вдребезги жизни на лбу и болью, пропитавшей каждую морщинку.

В 19:20 он вышел к Северному вокзалу не такой взмокший, как обычно. Июльские пассажиры – это не работяги, а туристы, более дисциплинированные и не так к тебе липнущие в транспорте. Пульс Парижа в это время замедлен.

Девятая платформа. Вокруг стоявшего неподвижно со скрещенными на груди руками Шарко бродили голуби, воздух был убийственно тяжелым, парило нестерпимо, хотя одежду он выбрал самую что ни на есть легкую: желтая тенниска, бежевые бермуды, мягкие туфли на каучуке. Он ненавидел вокзальные перроны, аэропорты, все места, способные напомнить о том, что люди каждый день расстаются. Позади него родители вели детишек к битком набитым поездам – отправляли на каникулы. Такая разлука не страшна, она всегда хорошо кончается, после такой разлуки встреча еще радостнее, вот только для Шарко день встречи не наступит никогда.

Сюзанна... Элоиза...

Прибывший из Лилля экспресс выбросил из себя плотную толпу пассажиров. Пестрота, разноголосье, грохот чемоданов на колесиках. Рядом с Шарко, поднимая вверх таблички с именами, переминались с ноги на ногу таксисты. Он вытянул шею и сразу же увидел ту, кого встречал, – будто выключатель щелкнул. Люси шла к нему, улыбаясь. Маленькая, тоненькая, волосы до плеч, на вид – хрупкая, и, если бы не эта почти виноватая улыбка, если бы не эта специфическая усталость, которая отличает полицейских от обычных людей, он, возможно, принял бы ее за провинциалку, явившуюся в Париж искать сезонную работу.

– Комиссар Шарко? Люси Энебель из Лилльского территориального управления судебной полиции.

Рукопожатие. Шарко заметил, что большой палец ее руки оказался сверху, – так-так, значит, либо она хочет держать все под контролем, либо таким образом выражается безотчетное желание властвовать. Комиссар улыбнулся в ответ приезжей коллеге.

– Скажите, а «Немо» на улице Солитер в Старом городе еще существует?

– По-моему, продается. А вы уроженец севера?

– Продается? Жалко... В конце концов все лучшее исчезает. Да, корни у меня там, но это было так давно... Пойдемте в «Северный терминал»? Не сказать чтобы это кафе было привлекательнее других, зато оно прямо напротив.

Покинув вокзал, они нашли себе местечко в тени на террасе кафе. Перед ними выстроились длинной разноцветной очередью такси, ожидающие пассажиров. Вокзал казался центром перемещения народов: здесь роились и отсюда извергались белые и черные, арабы и азиаты. Шарко заказал себе белое пиво с ломтиком лимона, Люси, скинув наконец рюкзак, попросила принести «перье». Новый знакомый произвел на нее впечатление, особенно внешне: и стрижка ежиком, и взгляд стреляного воробья, и стать. А еще чувствовалось в нем что-то сложное, неоднозначное, что-то неуловимое, чего не обозначишь словами... В общем, Шарко ей скорее понравился, но Люси попыталась этого не показывать.

– Мне говорили, вы специалист по анализу поведения преступников? Интересно, должно быть, заниматься анализом поведения?

– Давайте-ка прямо к делу, лейтенант, сейчас уже довольно поздно. Что вы хотите мне сообщить?

Ну и тип! Прямолинеен, как удар в боксе! Люси совсем еще не знала этого человека, но понимала: Шарко никогда ничего не даст, если ему это не возместится. Впрочем, так ведь в их профессии всегда: ты мне – я тебе. И она рассказала комиссару все с самого начала: о смерти бельгийского коллекционера, о том, как был обнаружен анонимный короткометражный фильм, о содержащихся в нем порнографических кадрах и сценах насилия, о человеке с «фиатом», который вроде бы ищет именно эту бобину. Шарко слушал совершенно бесстрастно. Ну да, этот аналитик, который всякого небось навидался в жизни, из таких, кто всегда будто в панцире. Люси начала было говорить о сегодняшнем загадочном разговоре с канадцем, но в это время официант принес напитки, и она замолчала.

Официант ушел.

– Я просмотрела в Интернете все новостные выпуски за неделю. В понедельник утром на строительстве трубопровода были обнаружены тела, а вечером новость уже шла в эфир первым номером. Говорили о том, что поблизости от Граваншона под землей найдено несколько трупов с отпиленными верхушками черепов.

Она достала из рюкзака блокнот. Шарко заметил и то, что работает лейтенант Энебель тщательно и аккуратно, и то, что она излишне азартна: глаза полицейского никогда не должны сверкать, а ее взгляд, стоило заговорить о деле, выдавал излишнюю увлеченность.

– Вот, я записала: в тот самый вечер, о котором мы говорим, репортаж о трупах со вскрытыми черепами начался в двадцать ноль три и закончился в двадцать ноль пять. А в двадцать ноль восемь старик Шпильман уже звонил в Канаду. Мне удалось извлечь из телефона данные о продолжительности разговора: одиннадцать минут. То есть закончился он в двадцать девятнадцать. Примерно в двадцать двадцать пять Шпильман погиб, стараясь достать с полки стеллажа пресловутый фильм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.